E 97/133

1877

РАСКОЛЪ ВЪ УРАЛЬСКОМЪ ВОЙСКѢ

И ОТНОШЕНІЕ КЪ НЕМУ ДУХОВНОЙ И ВОЕННОГРАЖДАНСКОЙ ВЛАСТИ

ВЪ ПОЛОВИНѢ XVIII В.

—

Расколъ въ Уральскомъ войскѣ весьма распространенъ, такъ что населеніе раскольническое преобладаетъ надъ православнымъ. Въ 1858 году, по книгамъ уральскихъ единовѣрческихъ церквей, раскольниковъ въ войскѣ числилось 37,300 душъ обоего пола: 18,203 м. и 19,097 ж., принадлежащихъ же къ церкви—почти вполовину меньше: 9,797 м. и 9,427 ж. пола, а всего 19,227 человѣкъ. Но эти числовыя данныя, какъ и всѣ вообще оффиціальныя цифры, по справедливому замѣчанію генерала Столыпина (1), далеко невѣрны (2). Въ своемъ письмѣ къ оренбургскому генералъ-губернатору Катенину Столыпинъ объясняетъ и причины неточности вышеозначенныхъ цифръ: „многіе изъ казаковъ, — говоритъ онъ, — если и ходятъ въ церковь, то по обязанностямъ службы; другіе, не признавая

(1) Арк. Дм. Столыпинъ, бывшій наказнымъ атаманомъ уральскаго войска въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ текущаго столѣтія, прилежно и внимательно изучалъ расколъ войска. Мы увѣрены, что энергическая дѣятельность этого замѣчательнаго администратора въ Уральскомъ войскѣ займетъ современемъ почетное мѣсто въ исторіи уральскаго казачества вообще и, въ частности, въ исторіи раскола.

(2) См. въ Ур. в. арх. его письмо къ оберъ-прокурору св. Сунода, отъ 17 іюля 1858 г.

всѣхъ таинствъ св. Церкви, вѣнчаются въ храмахъ, чтобы чрезъ то узаконить своихъ дѣтей, и потому занесены въ церковныя книги, какъ присоединившіеся; наконецъ, большая часть такихъ, которые вписаны въ книги за извѣстную плату" (1). При этомъ Столыпинъ замѣчаетъ, что наиболѣе подходящія къ дѣйствительности слѣдующія цыфры: принадлежащихъ къ церкви 6500 чел., въ томъ числѣ — 3000 м. и 3500 ж. пола, раскольниковъ же 53,500 чел., изъ нихъ 26,000 м. и 27,500 ж. пола. Въ настоящее время число раскольниковъ въ Уральскомъ войскѣ нѣсколько уменьшилось, на что указываютъ неоднократныя обращенія къ Церкви, преимущественно единовѣрческой; но какъ именно велика цыфра раскольниковъ въ войскѣ теперь, съ точностію опредѣлить невозможно (2). Настоящіе раскольники Уральскаго войска, по большей части, принадлежатъ къ сектѣ поповщины; на Верхней дистанціи и въ Илекѣ (уѣздномъ городѣ ур. области) есть и безпоповцы и другіе толки; но ихъ несравненно меньше, такъ-что, нисколько не преувеличивая, можно сказать, что *коренной расколъ въ Уральскомъ войскѣ—поповщина или бѣглопоповцы.* Уральскіе раскольники охотно принимаютъ австрійскихъ поповъ; почти половина раскольниковъ принадлежитъ къ австрійскому священству. Между нѣкоторыми казаками замѣтно вліяніе духоборцевъ и молоканъ, имѣющихъ сильный притонъ въ селѣ Александровкѣ и другихъ селеніяхъ Самарской губерніи. Главную опору раскола въ войскѣ составляютъ старые казаки и отставные чиновники (3), особенно ихъ жены. Главными факторами раскольниковъ служатъ нѣкоторые изъ иногороднихъ торговцевъ: они привозятъ изъ Москвы поповъ и книги; послѣднія фабриковались и

(1) См. тамъ же.

(2) Изъ отчета Военнаго Министра за 1876 г. видно, что раскольниковъ въ Уральскомъ войскѣ 60%.

(3) Чиновниками казаки называютъ дворянъ и офицеровъ (старшинъ, сотниковъ, есауловъ и т. п.).

2007043115

въ самомъ Уральскѣ и продавались по дорогой цѣнѣ за старопечатныя. Но замѣчательно то, что уральскіе казаки не такъ упорны въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ, какъ сектаторы центральной Россіи. Отправляясь на внѣшнюю службу, казаки добровольно оставляютъ всѣ раскольническія привычки: курятъ, ѣдятъ съ православными и не заглядываютъ въ молельни, когда находятся въ раскольническихъ селеніяхъ. Жены казаковъ, остающіяся на Уралѣ, очень хорошо знаютъ про поведеніе своихъ мужей и, по возвращеніи казаковъ на родину, „*исправляютъ*“ ихъ по своему: казакъ, возвратившійся со службы, сначала и ѣстъ и пьетъ изъ особой посуды, и только, по исправленіи его женой, вступаетъ во всѣ права мужа, какъ главы семейства. Изъ этого уже можно заключить, что главными хранительницами раскола въ Уральскомъ войскѣ служатъ женщины, почти безвыѣздно живущія въ предѣлахъ войска; къ нимъ принадлежатъ, какъ мы уже замѣтили выше, и старики, оставившіе службу. Всѣ раскольники изъ казаковъ весьма мало начитаны и, по большей части, безграмотны (1), такъ-что не выдерживаютъ самаго легкаго диспута: бывали случаи, что многіе присоединялись къ церкви, особенно единовѣрческой, послѣ разговора далеко не съ учеными, а просто съ благонамѣренными священниками. Но временныя отступленія отъ правилъ секты служилыхъ казаковъ и присоединеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ къ Церкви не ослабляютъ, однакожъ, могучаго вліянія раскола на массу населенія. Причины этого, какъ намъ представляется, скрываются отчасти въ недостаточномъ развитіи образованія въ краѣ, особенно между

---

(1) Съ открытіемъ въ Уральскѣ классической гимназіи, въ 1870 году, грамотность и образованіе въ войскѣ стали замѣтно усиливаться; въ гимназію отдаютъ своихъ дѣтей и нѣкоторые изъ раскольниковъ. См. въ ж. «Семья и школа» за 1872 г., № 9, напеч. нами статью: «Наша гимназія и общество», изъ которой можно видѣть отношеніе уральцевъ къ гимназіи.

женскимъ поломъ, въ малочисленности храмовъ (1), въ отсутствіи основательнаго богословскаго образованія у большинства войсковыхъ священниковъ, происходящихъ попреимуществу изъ казаковъ же и, наконецъ, главнымъ образомъ въ томъ, что расколъ между уральцами (исключая женщинъ) не есть дѣло фанатизма, но скорѣе всего—лозунгъ для соединенія поборниковъ казачества, т. е. казачьихъ привиллегій и вольностей; уральскій расколъ—оплотъ, ограждающій казаковъ отъ Москвы, отъ нововведеній, прямо или косвенно нарушающихъ основы казачьей общины, ея народоправства. Послѣднее мнѣніе краснорѣчиво доказывается служилымъ классомъ казачества: пока уральцы на службѣ, всѣ принадлежатъ къ Церкви; какъ только чиновникъ получаетъ отставку, сейчасъ же обращается въ расколъ, чтобы пріобрѣсть популярность, которая ему тогда нужнѣе, чѣмъ милость начальства—, популярность и слава сектатора даютъ ему вѣсъ и вліяніе въ рядахъ оппозиціи, ревниво охраняющей казачьи права и вольности. Смотря на расколъ какъ на протестъ не только противъ реформъ религіозно-церковныхъ, но и гражданскихъ, нужно замѣтить, что послѣднее направленіе раскола получило особенно широкое развитіе и примѣненіе среди Уральскаго войска.

Первоначальныя причины появленія раскола въ Уральскомъ войскѣ, безъ сомнѣнія, были тѣ же, что и въ остальной Россіи; расколъ проникъ на яицкую почву и распространялся здѣсь вначалѣ тѣми же путями, какъ и въ другихъ мѣстахъ Россіи, но впослѣдствіи, какъ увидимъ, среди Яицкаго войска явились и особыя мѣстныя условія, благопріятствовавшія усиленію и быстрому распространенію раскола. Энергичная, не знавшая преградъ и не всегда цѣлесообразная дѣя-

(1) Напримѣръ на всемъ протяженіи самарскаго купеческаго тракта, на разстояніи 100 верстъ, отъ Общаго Сырта до самаго Уральска, находится только одна церковь (въ Красномъ фортостѣ), а по оренбургскому тракту, на 150 верстахъ, не болѣе 3 церквей, кромѣ илецкихъ.

тельность патріарха Никона откликнулась и на Яикѣ, такъ какъ земля Уральскаго войска заселялась выходцами изъ Россіи. Покорившись добровольно власти московскихъ государей, яицкіе казаки смотрѣли на себя, какъ на исключительныхъ и единственныхъ обладателей р. Яика съ ея притоками; но въ тоже время Яицкое войско является въ исторіи первою колонизирующею силою юго-восточныхъ окраинъ Россіи: казаки считали себя въ правѣ принимать въ свою общину вольныхъ пришлыхъ людей, безъ различія вѣры, національности, сословія, возраста и пола. Такимъ образомъ, Яикъ издавна дѣлается притономъ бѣглыхъ и безпаспортныхъ людей, русскихъ и инородцевъ. Это (по выраженію казаковъ) *„золотое донышко съ серебряной покрышечкой“* въ особенности было привлекательно для тѣхъ, кому было жутко на родинѣ. Сюда бѣжали господскіе, архіерейскіе, монастырскіе и государственные крестьяне, солдаты, разнаго рода преступники и инородцы, чтобы только избѣжать господскаго деспотизма, тяжести неоплачиваемаго труда и возросшей недоимки, суровыхъ внушеній военной дисциплины, заслуженнаго наказанія, своеволія и самоуправства воеводъ, нещадившихъ чужаго труда и чужой собственности. Преслѣдованія, начавшіяся противъ раскольниковъ, еще болѣе увеличили число бѣглыхъ, стремившихся на Яикъ, и послужили причиной быстраго и широкаго распространенія раскола во всѣхъ концахъ Россіи, особенно на ея окраинахъ. Раскольники цѣлыми семьями и многочисленными толпами уходили въ Исетскую провинцію, Сибирь и въ предѣлы Яицкаго войска. Территорія Яицкаго войска въ то время представляла всѣ выгоды для укрывательства бѣглыхъ. Обширныя пространства приуральскихъ степей, гдѣ теперь изрѣдка можно встрѣтить только одинокіе пни подъ корень подрубленныхъ деревъ, въ описываемое время были покрыты непроходимыми лѣсами. Вся обширная долина Урала, берега Узеней и всѣхъ

степныхъ рѣчекъ, впадающихъ и впадавшихъ (1) съ правой стороны въ Уралъ, а также и всѣ склоны Общаго Сырта представляли собою непроходимую трущобу (2), въ которой весьма легко было укрыться отъ сыскныхъ командъ. Яицкіе казаки охотно принимали являвшихся къ нимъ бѣглецовъ и, въ видахъ собственной пользы, посылали ихъ на службу и заставляли работать, не только безъ всякой платы, но съ нихъ же брали, и бѣглые охотно отдавали послѣднее (3), лишь-бы остаться на волѣ и избѣгнуть законной кары за свой побѣгъ, а иные и за преступленія, содѣянныя ими въ прежнемъ состояніи.

При такомъ положеніи дѣлъ, неудивительно, что пріемъ бѣглыхъ сдѣлался обыкновеннымъ и часто повторявшимся явленіемъ среди Яицкаго войска. Бѣглые, отбывая за казаковъ службу и исполняя за нихъ многія работы, незамѣтно становились въ зависимое положеніе отъ войска. Понятно, что такое отношеніе бѣглыхъ къ кореннымъ обитателямъ страны было очень выгодно для послѣднихъ; вотъ почему яицкіе казаки, не смотря на множество грозныхъ и запретительныхъ указовъ, не переставали принимать всѣхъ, кто только приходилъ подъ ихъ защиту. Бѣглые, въ свою очередь, также были довольны своимъ положеніемъ, потому что оно сравнительно было все-таки лучше прежняго, не говоря уже о бѣглыхъ — преступникахъ, которые должны были подвергнуться наказанію, оставаясь на родинѣ. Между тѣмъ, правительство въ каждомъ бѣгломъ теряло плательщика податей, а дешевизна труда бѣглаго человѣка вредно отзывалась на трудахъ осѣдлаго населенія. Вслѣдствіе этого, прави-

---

(1) Нѣкоторыя изъ рѣчекъ, впадавшихъ прежде въ Уралъ, теперь совершенно пересохли.

(2) Уральск. в. вѣд. 1870 г., № 20.

(3) Такъ съ крестьянъ казанскаго уѣзда, Тимофея Мясникова и Ивана Чеботарева, за принятіе ихъ въ казаки «набольшіе люди» Яицкаго войска взяли 10 р. съ обоихъ. См. Ур. в. вѣд. 1877 г., № 19.

тельство не могло оставаться равнодушнымъ къ столь грустному явленію въ экономической жизни народа,— нужны были какія-либо мѣры къ прекращенію или, по крайней мѣрѣ, къ уменьшенію зла. Къ выгодамъ правительства, между самими казаками обнаружилось раздвоеніе: одни стояли за пріемъ и приверстываньe бѣглыхъ въ казаки, другіе, желая выслужиться предъ правительствомъ и загладить свои грѣшки, протестовали противъ этого; явились доносчики изъ казаковъ же на укрывателей бѣглыхъ, или *„пристанодержателей“*; начинаются сыски и розыски бѣглыхъ и ихъ патроновъ; на Яикъ отправляются слѣдователи, по-преимуществу изъ Казани, и фискалы, которые, обирая казаковъ, еще болѣе осложняютъ дѣло; наконецъ, Петръ Великій отправляетъ на Яикъ полковника Захарова, съ приказаніемъ произвести перепись казаковъ. Захаровъ, явившись въ Яицкій городокъ, раздѣлилъ казаковъ на сотни и десятки и, согласно предписанію, произвелъ имъ перепись, при чемъ едва не былъ убитъ, и только предусмотрительность атамана Григорія Меркурьева спасла его отъ вѣрной смерти, за что Меркурьевъ получилъ въ награду, уже по смерти Петра, сто рублей денегъ, золотой ковшъ, саблю и портретъ Екатерины Алексѣевны, супруги Петра Великаго (1). Выборъ войсковаго атамана хотя по прежнему принадлежалъ казакамъ; но утвержденіе его съ 1723 года зависѣло отъ высочайшей воли. Слѣдовательно, правительство всегда могло назначить въ войсковые атаманы изъ представленныхъ кандидатовъ лицо, преданное болѣе интересамъ государства, чѣмъ частнымъ интересамъ казацкой общины. При этомъ Военная коллегія, стремившаяся включить Яицкое войско въ общую систему управленія, начинаетъ осаждать казаковъ разными нововведеніями и преобразованіями, казавшимися

(1) Уральск. войск. вѣд. 1869 г., № 39. Уральск. в. арх., № 5. Слич. въ Арх. в. колл. каз. пов. кн. 8, стр. 436.

на первый взглядъ незначительными, мелкими, въ сущности же прямо направленными къ ограниченію казацкаго самоуправленія. Казаки предвидѣли, что старый вѣчевой строй ихъ общины долженъ рушиться, и потому рѣшились энергично отстаивать свои права и привиллегіи. Старшины, есаулы и другія должностныя лица, во главѣ съ атаманомъ, очень хорошо понимали выгоду и необходимость подчиняться требованіямъ правительства, и потому, дѣйствуя въ интересахъ послѣдняго, стали въ оппозиціонное отношеніе къ народу, который на всѣ эти реформы смотрѣлъ несочувственно, казаки прямо заявляли: „терпѣть сего не можемъ, понеже дѣло новое, необычайное; не бывало сего при нашихъ дѣдахъ и отцахъ, не бывать и у насъ, — войску Яицкому даровано отъ царя Михаила Ѳедоровича право служить казачью службу по своему обыкновенію, а въ прочемъ ни въ чемъ невредиму состоять“ (¹). Результатомъ такого положенія дѣлъ было возникновеніе двухъ партій: старшинской, или *согласной*, и народной, *несогласной* (съ видами правительства). Борьба этихъ партій между собою и оппозиція народной партіи Московскому правительству весьма много содѣйствовали усиленію и своеобразному характеру раскола въ Уральскомъ войскѣ, какъ оплота отъ Москвы и лозунга для соединенія поборниковъ казачества. Перевѣсъ почти всегда оставался на сторонѣ сильной своимъ вліяніемъ, а не численностію, старшинской партіи; впрочемъ, не смотря на это, народная партія не падала духомъ: закаляясь все болѣе и болѣе въ ненависти къ Москвѣ и ея поборникамъ, она становилась еще упорнѣе и настойчивѣе въ своихъ стремленіяхъ; считая себя угнетенною, она встала подъ знамя вѣры *„до-никоніанской, древней, истовой“*. Всѣ гонимые на Руси раскольники теперь сдѣлались для народной партіи Яицкаго войска, составлявшей значи-

(¹) См. въ Уральск. в. арх., № 92, стр. 10.

тельное большинство, любезными, близкими, достойными жалости и сочувствія, какъ „гонимые за правду, за вѣру“; расколъ пошелъ быстрыми шагами и крѣпъ въ своей ненависти къ Москвѣ и ея поборникамъ. Въ самомъ центрѣ Яицкаго казачества, въ теперешнемъ Уральскѣ, возникаютъ особая раскольническая слобода, или Шацкій монастырь, и часовни, въ которыя устремляются недовольные Москвою и здѣсь, только здѣсь желаютъ молиться. Представитель народной партіи и поборникъ казацкаго самоуправленія, Ѳедоръ Рукавишниковъ является въ кругъ и говоритъ народу, чтобы *„въ Церковь не ходили и книгъ нынѣшнихъ не слушали, для того, что нынѣшнія книги новопечатныя“* (1). Здѣсь же, въ казачьемъ кругу, противъ Рукавишникова является оппонентъ, въ лицѣ священника Петропавловской церкви Василья Семенова; но казаки приговорили посадить его въ воду (2). Упоминаемый здѣсь Рукавишниковъ родился въ Москвѣ, гдѣ отецъ его былъ конюхомъ въ домѣ патріарха. Лишившись еще въ малолѣтствѣ своего отца, Рукавишниковъ уже 26-ти лѣтъ пришелъ на Яикъ и чрезъ два года былъ зачисленъ въ казаки. Изъ архивныхъ бумагъ по „извѣту“ казака Ив. Картышева (3) видно, что Рукавишниковъ отличался замѣчательной энергіей, русской смѣткой и беззавѣтной преданностію войску. Понятно, что, при такихъ качествахъ, Рукавишниковъ (4) скоро пріобрѣлъ громадное вліяніе въ Яицкомъ войскѣ: казаки неоднократно избирали его въ станичные атаманы, посылали съ презентомъ отъ войска въ Петербургъ, гдѣ

---

(1) Такъ показалъ Ив. Карташевъ, яицкій казакъ, на допросахъ въ Преображенскомъ приказѣ.

(2) Ур. в. вѣд. 1869 г., № 44.

(3) См. Ур. в. вѣд. 1869 г., № 40, 1877 г., № 18, 19.

(4) Рукавишниковъ также извѣстенъ былъ и подъ фамиліей Красильникова. Бѣглые на Яикъ иногда мѣняли не только свою фамилію, но и самое имя, чтобы легче скрыть свое пребываніе между казаками отъ сыскныхъ командъ.

Библ. имени В. И. Ленина СССР

Рукавишниковъ, не смотря на свою безграмотность, узналъ всякія нужныя вещи и всѣ подходы, а впослѣдствіи сдѣлался лично извѣстенъ и Петру Великому. Народная партія всегда покорно и почтительно относилась къ Рукавишникову, уважала и цѣнила его способности, слушалась его совѣтовъ, которые были для казаковъ словно законъ писанный. Въ то время, какъ обычная перемѣна прежнихъ атамановъ и выборы новыхъ шли своимъ чередомъ, Рукавишниковъ пользовался такимъ вліяніемъ въ войскѣ, что по однимъ его письмамъ изъ Петербурга, гдѣ онъ иногда оставался по полугоду и болѣе, войсковые атаманы предавали смертной казни тѣхъ изъ казаковъ, которыхъ Рукавишниковъ почему либо считалъ вредными для войска (1). Понятно послѣ этого, какое впечатлѣніе могли произвести слова Рукавишникова, явившагося лично въ казачій кругъ и заявившаго, что въ церквахъ служба отправляется по новопечатнымъ книгамъ и потому въ церковь ходить не слѣдуетъ. Мы видѣли уже, какъ отнеслись казаки къ священнику Василію Семенову, который отважился было обличать Рукавишникова въ „хуленіи на Церковь“ (2). Этотъ-то вліятельный человѣкъ руководилъ и той партіей, которая была за пріемъ и приверстываньe бѣглыхъ въ составъ Яицкаго войска. Послѣ переписи казаковъ полковникомъ Захаровымъ въ 1723 году, было опредѣлено особымъ указомъ: „пришлыхъ на Яикъ до переписи 1723 г. зачислить въ казаки, вновь же отнюдь не принимать“. Но это запрещеніе было не первое и не послѣднее:

---

(1) Ур. в. вѣд. 1869 г., №№ 31 и 44.

(2) Казаки, какъ было замѣчено, приговорили посадить священника В. Семенова въ воду. Изъ преданій извѣстно, что эта казнь совершалась не только по приговору войсковаго круга, но и подъ вліяніемъ частной ненависти. Лѣтомъ клали осужденнаго въ мѣшокъ вмѣстѣ съ камнями и бросали въ воду, или, привязавъ камень на шею, сталкивали несчастную жертву звѣрообразности въ воду съ высокаго яра. Зимою сажали осужденнаго въ прорубь и толкали подъ ледъ, въ случаѣ упорства, несчастнаго били по головѣ дубиной.

казаки по прежнему давали у себя пріютъ всѣмъ недовольнымъ Москвою и особенно раскольникамъ. Изъ переписной книги (1) полковника Захарова видно, что въ Яицкомъ войскѣ были всевозможные элементы народонаселенія тогдашней Россіи: московскіе и самарскіе стрѣльцы, симбирскіе пахатные и самарскіе служилые казаки, нижегородскіе и московской казенной слободы посадскіе люди, воронежскіе пушкари, симбирскіе государевы неводчики; тутъ были и самарскіе дворяне, подъячіе, полтавскіе запорожцы, инородцы Казанской, Симбирской и Астраханской губерній: татары, калмыки, вотяки, мордва, чуваши и т. п.; яицкіе казаки не пренебрегали и плѣнными шведами, финнами и даже нѣмцами и поляками. Но особенно много вошло въ составъ яицкаго казачества крестьянъ государственныхъ, помѣщичьихъ, монастырскихъ, архіерейскихъ изъ нынѣшнихъ уѣздовъ: Казанскаго, Нижегородскаго, Алатырскаго, Курмышскаго и Корсунскаго. Въ числѣ помѣщичьихъ крестьянъ было 10 семей, принадлежавшихъ А. Д. Меньшикову; но казаки, когда Меньшиковъ потребовалъ отъ нихъ крестьянъ, не хотѣли отдать ихъ и этому сильному вліяніемъ и своимъ положеніемъ вельможѣ, затѣявъ съ нимъ, безъ всякаго юридическаго основанія, процессъ.

Въ царствованіе Анны Ивановны увеличенію пришлыхъ на Яикъ не мало способствовало положеніе русскаго духовенства, которому много пришлось испытать невзгодъ отъ нѣмецко-придворной партіи Бирона: у духовныхъ отнимали дѣтей и гнали ихъ въ полки (2); нерѣдко и сами отцы должны были идти въ военную службу (3), подъ плети или въ каторгу съ отрѣзанными поздрями (4), оставляя свои дома и семьи на

(1) Арх. Воени. Колл., каз. пов. кн. 22. Слич. Ур. в. вѣд. 1869 г., начиная съ № 20.

(2) П. С. З. №№ 7198, 7385, 7389, 7734, 7749, 7790 и 8294.

(3) Ibid. т. X, №№ 7158 и 7533.

(4) Ibid. т. XI, № 8548 и т. X, № 7634.

произволъ судьбы. Наряду съ своими прямыми обязанностями, духовные должны были отправлять пожарную повинность и ходить на караулъ къ рогаткамъ и заставамъ (1). Губернаторы, воеводы и богатые вотчинники, вопреки указу Петра великаго (2), забирали духовныхъ въ канцеляріи, на свои дворы, держали ихъ подъ арестомъ и иногда безъ всякой вины подвергали побоямъ и пыткамъ (3). Вообще регентство Бирона было временемъ самыхъ тяжелыхъ испытаній для бѣлаго и чернаго духовенства. Результатомъ такого положенія духовенства было то, что многіе изъ духовнаго званія уходили въ болѣе отдаленныя и безопасныя мѣста, находя тамъ пріютъ то у своей-же братіи, то у гонимыхъ раскольниковъ, то даже у *„знатныхъ персонъ“*. Оказалось, что въ четырехъ только епархіяхъ: Архангелогородской, Тверской, Новгородской и Вологодской 182 церкви остались совершенно безъ причтовъ; Сунодъ заявилъ, что для замѣщенія праздныхъ мѣстъ требуется 1286 человѣкъ, изъ которыхъ 611 ч. — на мѣста священниковъ (4). „Изъ прочихъ епархій, — замѣчаетъ Сунодъ, — сколько праздныхъ мѣстъ священнаго и церковно-служительскаго чину, объ этомъ вѣдомостей еще не получено, а чаемъ, что число немалое есть; но опредѣлить на праздныя мѣста некого“. Раскольники, бѣжавшіе на Яикъ, увлекали съ собой и загнанныхъ Биромъ духовныхъ, которые, ища какого либо сноснаго для себя выхода, готовы были иногда сдѣлаться сектантами, только бы не подвергнуться поруганію, избѣжать солдатчины, плетей и каторги. Въ февралѣ 1738 года изданъ былъ новый подтвердительный указъ „о непринятіи въ яицкихъ городахъ пришлыхъ великороссійскихъ людей“ (5); но и

(1) П. С. З., №№ 8412 и 8546.

(2) Указъ 15 марта 1721 г.

(3) П. С. З., т. XII, № 9079, стр. 278.

(4) Ibid. №№ 7646 и 7790.

(5) Ibid. т. X, № 7514.

этотъ указъ, какъ всѣ предшествовавшіе, не имѣлъ желаемаго результата: Яикъ переполнялся раскольниками и бѣглыми всѣхъ сортовъ.

Такимъ образомъ, на Яикѣ, къ началу сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія, не было недостатка ни въ раскольникахъ, ни въ бѣглыхъ попахъ, такъ-что однихъ добровольныхъ пришельцевъ достаточно уже было для того, чтобы посѣять и распространить расколъ среди яицкихъ казаковъ; но на помощь этому шло и само правительство, высылая иногда на Яикъ раскольниковъ, которые не были терпимы на прежнихъ мѣстахъ ихъ жительства. Въ 1683 и 1702 годахъ сюда были сосланы зараженные расколомъ московскіе стрѣльцы. Такой образъ наказанія въ значительной степени содѣйствовалъ распространенію раскола и укрѣпленію недовольства противъ Московскаго правительства, осаждавшаго казаковъ своими нововведеніями. Послѣдующія событія доказали, что во всѣхъ мѣстахъ, куда ссылались раскольники, все населеніе заражалось расколомъ. Между тѣмъ, ссылка на Яикъ раскольниковъ едвали могла быть для нихъ наказаніемъ. Ссылая на Яикъ раскольниковъ, правительство само развязывало имъ руки: раскольники, заражая казаковъ своими убѣжденіями, могли здѣсь свободно, не опасаясь преслѣдованій, креститься двоеперстно, имѣть старопечатныя книги и отправлять по нимъ службу,— у Яицкаго войска все было постарому и служба въ церквахъ отправлялась по старопечатнымъ книгамъ. Вслѣдствіе этого, раскольническая пропаганда не могла здѣсь встрѣтить никакихъ препятствій, и войско представляло для нея широкое и свободное поле дѣятельности. Тѣснимые и бѣжавшіе на Яикъ, приверженцы старины разсказывали казакамъ о воздвигнутыхъ на нихъ гоненіяхъ и, приписывая инициативу этихъ гоненій духовной власти, старались всѣми мѣрами, въ видахъ отмщенія, подорвать авторитетъ ея, довѣріе къ ней и вооружить противъ нея казачество. Но до времени, покуда казаки сами не испытали на себѣ

крутыхъ мѣръ духовной власти, среди Яицкаго войска не было открытаго недовольства ея распоряженіями по дѣламъ Церкви, хотя недовѣріе къ духовенству уже закрадывалось и въ умы казачества, особенно форпостнаго; нуженъ былъ поводъ, чтобы недовѣріе это выросло и обратилось въ вражду противъ духовной власти и ея выполнителей. Поводъ этотъ не заставилъ ждать себя: казанскіе епископы, которымъ подчинены были яицкіе казаки въ духовномъ отношеніи, отважились на смѣлыя и рѣшительныя мѣры, чтобы покончить съ ненавистнымъ для нихъ расколомъ. Извѣстно, что казачество почти всегда старалось имѣть священниковъ изъ своей же среды, т. е. изъ казаковъ же; казанскіе же епископы рѣшились замѣнить священниковъ изъ казаковъ присланными изъ Казани, учредить въ Яицкомъ городкѣ, или теперешнемъ Уральскѣ, Духовное правленіе, старопечатныя книги и старинныя иконы отобрать и дать, вмѣсто нихъ, новыя, не скупились оскорбительными выраженіями и противъ любимыхъ раскольниками обрядовъ. Не мало способствовали развитію раскола и недовольства противъ духовенства и духовныя росписи, которыхъ настоятельно требовала отъ войсковыхъ священниковъ епархіальная власть. Казаки вообще не любили никакихъ переписей и, какъ мы видѣли, едва не убили полковника Захарова, производившаго перепись на Яикѣ въ 1723 году, по приказанію правительства, и потому можно судить о томъ, какъ они отнеслись къ духовнымъ росписямъ. Чтобы составить эти росписи, священники должны были ходить по дворамъ и записывать каждую семью подробно. Извѣстно, что въ подобныхъ случаяхъ негодованіе главнымъ образомъ обрушивается не на приказывающихъ, а на выполняющихъ, поэтому войсковые священники духовными росписями невольно возстановили противъ себя своихъ прихожанъ. Казаки, какъ и слѣдовало ожидать, взглянули на эти переписи, какъ на послягательство на ихъ старинныя права и привилегіи. Вслѣдствіе этого, священники потеряли должное

уваженіе и довѣріе въ глазахъ пасомыхъ, и многіе, не желая подчиняться ихъ дѣйствіямъ, порвали связь съ духовенствомъ и Церковію. Принудительныя мѣры и дѣйствія епархіальной власти организовали изъ яицкихъ казаковъ сильную оппозицію духовной и гражданской власти: казаки, подъ вліяніемъ этихъ мѣръ, до того сдѣлались подозрительными, что вездѣ и во всемъ старались видѣть посягательство на ихъ права и привиллегіи и, вслѣдствіе этого, крайне недовѣрчиво относились и относятся ко всѣмъ уступкамъ, какія имъ дѣлались раньше и дѣлаются теперь.

Представивъ общій ходъ развитія раскола въ Яицкомъ войскѣ, перейдемъ теперь къ изложенію фактовъ, заимствованныхъ нами изъ оффиціальныхъ источниковъ уральскаго и тургайскаго архива, которые заключаютъ въ себѣ интересныя данныя касательно отношенія къ расколу въ Яицкомъ войскѣ духовной и свѣтской власти, въ первой половинѣ прошлаго столѣтія.

Изъ письма казанскаго епископа Гавріила къ войсковому атаману Григорью Меркурьеву, отъ 4 марта 1736 года, видно, что въ Яицкомъ городкѣ въ это время было уже четыре храма (1): Михайло-Архангельскій соборъ, Казанскій, въ честь Казанской Божіей Матери, Петропавловскій и во имя св. Алексѣя, митрополита московскаго; два послѣдніе храма были выстроены послѣ пожара 1722 года. Видя, что храмы стали приходить въ ветхость, войско обратилось къ еп. Гавріилу съ просьбой, чтобы онъ дозволилъ перебрать церковь, во имя свв. апостоловъ Петра и Павла, и построить новую въ честь св. Алексѣя, митрополита московскаго, на мѣстѣ прежней, совершенно обвет-

(1) Въ настоящее время въ Уральскѣ всего девять храмовъ, изъ которыхъ православныхъ только одинъ—соборъ св. Александра Невскаго, если не считать военной церкви, состоящей при казармахъ и причисленной къ Александро-Невскому собору.

шавшей. Еп. Гавріилъ въ своемъ письмѣ (1) къ атаману Меркурьеву, соглашаясь на желаніе войска, высказываетъ неудовольствіе, по случаю самовольнаго принятія яицкими казаками священника села Хрящевки (2), бывшаго прежде на Яикѣ дьякономъ. Гавріилъ, между прочимъ, замѣчаетъ войску, что принятый на Яикъ священникъ былъ рукоположенъ митрополитомъ Сильвестромъ (3) въ село Хрящевку подъ условіемъ, чтобы онъ въ другую церковь, безъ благословенія архіерейскаго, отнюдь не переходилъ, „а потому",—пишетъ Гавріилъ,—„хотя молитвы исправлены вами отъ священника и были, и тѣ неправильно и благодать Св. Духа присутствовать при этомъ не можетъ" (4). Между тѣмъ, хрящевскій священникъ, по настоянію Яицкаго войска, отправился въ Казань, въ сопровожденіи другихъ ставленниковъ, съ просьбою о назначеніи его священникомъ ко вновь строившейся на Яикѣ церкви. По прибытіи ставленниковъ въ Казань, Гавріилъ уступилъ желанію войска, но замѣтилъ, чтобы „впредь такой противности, подъ страхомъ гнѣва Божія, отнюдь не чинили" (5). Этотъ самовольный пріемъ хрящевскаго священника указываетъ на желаніе Яицкаго войска имѣть священниковъ по своему выбору или изъ среды казаковъ же, или и другихъ, но извѣстныхъ войску. Нужно замѣтить, что Гавріилъ,

---

(1) Письмо отъ 12 марта 1736 г.

(2) Хрящевка—село Ставропольскаго уѣзда, Самарской губерніи; оно находится на лѣвомъ берегу Волги, верстъ на 50 выше Ставрополя. Крестьяне этого села отличаются зажиточностію и приверженностію къ расколу.

(3) Сильвестръ управлялъ Казанской епархіей, послѣ митрополита Тихона III, съ 1725—1731 года; за нимъ слѣдовалъ архіепископъ Иларіонъ Рогалевскій (1732—1735 г.), а потомъ упоминаемый здѣсь Гавріилъ, предшественникъ Луки Канашевича, управлявшаго Казанской епархіей 17 лѣтъ (1738—1755 г.).

(4) Уральск. войск. вѣд. 1870 г., № 13.

(5) Ibid.

по свидѣтельству Платона Любарскаго, и самъ отличался нерасположеніемъ къ новизнѣ, „вмѣняя въ добродѣтель *все прежде небывалое въ Россіи истреблять безъ остатку*“ (1); поэтому яицкимъ казакамъ, какъ приверженцамъ старины, не трудно было имѣть съ нимъ дѣло, но не такъ сговорчивъ и уступчивъ былъ преемникъ Гавріила, Лука Канашевичъ, основатель въ Казани духовныхъ училищъ и семинаріи. Лука Канашевичъ получилъ образованіе въ кіевской духовной академіи и отличался прямымъ, дѣятельнымъ и рѣшительнымъ характеромъ; какъ миссіонеръ, онъ иногда доходилъ до излишней уже ревности, почему яицкому войску трудно было вести дѣло съ такимъ рѣшительнымъ пастыремъ. Когда войско обратилось къ нему съ просьбою о назначеніи священника Максима Павлова на должность закащика (благочиннаго) и о посвященіи въ іереи казаковъ: Петра Денисова и Ив. Желѣзнова; то Лука писалъ войску относительно представленныхъ отъ него кандидатовъ на священство: „мы всякое тщаніе прилагали и въ священники наискорѣе произвесть желали, и въ чтецы и діаконы обоихъ и произвели было; но понеже въ самомъ томъ произведеніи церемоніи усмотрѣно отъ насъ, что они не православнымъ троеперстнымъ, честно и просто Троицу святую изображающимъ, *но злочестивымъ раскольническимъ и армянскимъ, съ Аріемъ проклятымъ*, и отъ св. Троицы Христа Спасителя нашего отдѣляющимъ, *двоеперстнымъ крестомъ* крестятся; ихъ яко явныхъ клятвопреступниковъ (2) и *богомерзкихъ раскольниковъ*, отъ даннаго имъ благословенія обнажая, доколѣ исправятся отъ такой *богомерзкой ереси* своей, истинное покаяніе сотворятъ, въ домы ихъ отпусти-

(1) Прав. Собесѣдн. 1858 г., т. II, стр. 571.

(2) До посвященія казаки Денисовъ и Желѣзновъ, по настоянію архіерея, должны были принять присягу, что они никакого согласія съ раскольниками имѣть не будутъ и двоеперстнымъ крестомъ знаменаться не станутъ.

ли“ (1). При этомъ Лука замѣчаетъ, чтобы яицкое войско на будущее время представляло кандидатовъ, воспитанныхъ въ истинномъ благочестіи, христіанствѣ и непричастныхъ расколу, а если таковыхъ мало; то „*дайте намъ волю*,— говоритъ Лука, — и мы во всемъ томъ, нелицемѣрно спасенія вашего желающе, обѣщаваемся“ (2). Если принять во вниманіе, что почти всѣ казаки крестились двоеперстно; то можно судить, насколько умѣстна и цѣлесообразна была ревность епископа къ православію, рѣшившагося назвать двоеперстное сложеніе *армянскимъ*, *богомерзкимъ*, *злочестивымъ* и т. п.; очевидно, что избранныя имъ средства были плохо разсчитаны и, вмѣсто желаемой пользы, могли принести лишь вредъ. Впрочемъ, неблагопріятныя послѣдствія, которыя могли произойти отъ такого необдуманнаго и рѣзкаго поступка архіерея, ослаблялись нѣсколько тѣмъ, что Лука не только уступилъ желанію войска относительно священника Максима Павлова; но (какъ онъ самъ выражается), „ради честнѣ издревле пресловутаго войска яицкаго“, нарекъ его протоіереемъ, вмѣнивъ при этомъ войску въ обязанность быть послушнымъ и воздавать должную честь новопоставленному протопопу, а сему послѣднему — „наставлять и оберегать отъ всего противнаго и еретическаго, а наипаче раскольническаго, которое, какъ слышно, кровію Христовою многія души простыхъ и грамотѣ неискусныхъ людей вредитъ и погубляетъ, о чемъ зѣло болѣзнуемъ и тяжко воздыхаемъ“ (3).

Между тѣмъ, приливъ раскольниковъ на Яикъ не прекращался и въ это время. Въ самомъ яицкомъ городкѣ, или теперешнемъ Уральскѣ, была, какъ мы уже знаемъ, раскольническая слобода, называвшаяся Шацкимъ монастыремъ, — это былъ главный пріютъ раскольниковъ: въ Шацкомъ монастырѣ жили главные

---

(1) Урал. войск. вѣдом. 1870 г. № 13.

(2) Уральск. войск. вѣд. 1870 г., № 18.

(3) См. тамъ же.

ересіархи и лжепопы, которые давали, такъ сказать, тонъ и направленіе прочимъ раскольническимъ скитамъ, находившимся въ предѣлахъ яицкаго войска. На этотъ притонъ раскольниковъ и было, наконецъ, обращено вниманіе военно-гражданской власти. Въ 1741 году на Яикъ былъ отправленъ маіоръ Дурасовъ, которому велѣно произвести розыскъ раскольниковъ, скрывавшихся среди казаковъ. Всѣ старцы и бѣльцы, жившіе въ Шацкомъ монастырѣ, были схвачены и арестованы; на допросахъ они показали, что среди яицкаго войска находится не мало и другихъ подобныхъ имъ лицъ. Результатомъ такого заявленія шацкихъ монаховъ было распоряженіе: „наикрѣпчайше изслѣдовать это дѣло безъ упущенія“ подполковнику Шумаеву, находившемуся въ яицкомъ городкѣ; на помощь къ Шумаеву и Дурасову командированъ изъ казанской духовной консисторіи протопопъ Иванъ Ѳедоровъ, который немедленно отправился на Яикъ, подъ защитою 20 чел. самарскихъ казаковъ и дворянъ. Путевыя издержки Ѳедорова были отнесены на счетъ яицкаго войска. Наказному атаману (1), старшинамъ и всему войску предписано „быть послушными и чинить всякое вспоможеніе сыщикамъ“. Конвоировавшая протопопа команда, по прибытіи его въ яицкій городокъ, отдана была въ распоряженіе маіора Дурасова. Подробности этого розыска намъ неизвѣстны; извѣстно только, что Шацкій монастырь былъ уничтоженъ, и кельи монаховъ проданы за 46 рубл. и 10 коп.; изъ этой суммы 3 р. и 7½ коп. велѣно было выдать за три подводы протопопа отъ Самары до Яицкаго городка, а остальные 43 р. 2½ коп. представить въ канцелярію оренбургской коммиссіи: впрочемъ, впослѣдствіи деньги эти были возвращены, а кельи Шацкаго монастыря отданы въ награду казакамъ, оказав-

(1) Наказными атаманами въ это время назывались лица, исправлявшія должность войсковаго яицкаго атамана; но окончательно еще не утвержденныя въ этой должности.

щимъ особенную ревность, при розыскѣ раскольниковъ на Яикѣ.

Въ 1744 году была образована оренбургская губернія (1), въ составъ которой вошли теперешнія губерніи: самарская, оренбургская, уфимская, вятская и частію пермская (2). Яицкое войско первоначально, какъ и донское, находилось въ вѣдѣніи посольскаго приказа (3); въ 1680 г. оно переходитъ въ вѣдомство казанскаго приказа (4), а съ учрежденіемъ Сената въ вѣдѣніе этого послѣдняго; 24 декабря 1719 года Сенатъ передаетъ яицкихъ казаковъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, отъ которой чрезъ годъ принимаетъ ихъ въ свое вѣдомство военная коллегія. Независимо отъ этого, ближайшій надзоръ за яицкимъ войскомъ, по силѣ указа 22 декабря 1720 г. (5), ввѣренъ былъ астраханскому губернатору, Артемію Волынскому, а съ образованіемъ оренбургской губерніи—оренбургскому губернатору (6), по духовнымъ же дѣламъ яицкое войско было причислено къ казанской епархіи. Первымъ оренбургскимъ губернаторомъ былъ Ив. Ив. Неплюевъ, занимавшій до того мѣста константинопольскаго резидента, уполномоченнаго министра на Немировскомъ конгрессѣ, военнаго губернатора въ Кіевѣ и генералъ-губернатора Малороссіи. Назначеніе Неплю-

---

(1) Главное управленіе оренбургскимъ краемъ при Кирилловѣ называлось *извѣстною*, потомъ *оренбургскою экспедиціей*; при Татищевѣ и Урусовѣ—*оренбургскою коммиссіей*, а съ 1744 г. *оренбургскою губерніей*.

(2) П. С. З., т. XII, № 9890.

(3) Броневскій. Истор. донскаго войска, ч. I, гл. 3.

(4) П. С. З., № 3616.

(5) П. С. З., № 3694.

(6) Въ 1782 г. уральское войско по земскимъ дѣламъ было снова отчислено отъ оренбургскаго губернатора къ астраханскому, а въ 1840 году опять подчинено оренбургскому генералъ-губернатору, въ вѣдѣніи котораго находится и до сихъ поръ. Смотр. Уральск. войсков. арх., № 68. Слич. Уральскія войсков. вѣдомости 1869 г., № 33.

ева въ Оренбургъ было почетной политической ссылкой за его дружбу съ графомъ Остерманомъ, по проискамъ Н. Ю. Трубецкаго, воспѣтаго, между прочимъ, Кантемиромъ въ его VII сатирѣ. Здѣсь, разумѣется, неумѣстно было бы входить въ подробности этой опалы и вообще жизнеописанія Неплюева, такъ-какъ предметъ нашей статьи—иной; но съ другой стороны, мы не можемъ пройти совершеннымъ молчаніемъ этого замѣчательнаго государственнаго дѣятеля XVIII вѣка, и считаемъ нелишнимъ сказать здѣсь хотя нѣсколько словъ о Неплюевѣ (1), дабы уяснить чрезъ то характеръ его послѣдующихъ отношеній къ яицкимъ раскольникамъ.

Иванъ Ивановичъ Неплюевъ, сынъ бѣднаго новгородскаго дворянина, родился 5 ноября 1693 года, а скончался 11 ноября 1773 года. Мать Неплюева Марѳа Петровна происходила изъ фамиліи князей Мышецкихъ, извѣстныхъ въ исторіи раскола своимъ религіознымъ фанатизмомъ и замѣчательною по тому времени ученостью. Отецъ Неплюева, Иванъ Никитичъ родился въ новгородской области, гдѣ и провелъ при матери всю свою молодость. Въ правленіе царевны Софьи, пользуясь громаднымъ вліяніемъ друга своего В. В. Голицина, дядя Ив. Никитича, боярин Леонтій Романовичъ Неплюевъ, завладѣлъ всѣми родовыми вотчинами. Въ началѣ августа 1689 года, произошелъ окончательный разрывъ Софьи съ Петромъ, а 7 сентября Голицыну и Леонтію Романовичу Неплюеву прочли приговоръ: князь Голицынъ, вмѣсто престола,

---

(1) Желающимъ ознакомиться подробно съ жизнію и дѣятельностію Неплюева указываемъ на монографію «Неплюевъ и Оренбургъ», напечатанную нами въ Уральскихъ войсковыхъ вѣдомостяхъ за 1873, 1874 и 1875 годы; отдѣльные оттиски можно найти въ частныхъ рукахъ, напримѣръ, у профессора казанскаго университета И. А. Ѳирсова, у профессоровъ казанской академіи: Е. А. Малова, В. В. Миротворцева, П. П. Остроумова, и другихъ лицъ, а также въ библіотекѣ казанской учительской семинаріи.

о которомъ мечталъ, попалъ въ Каргополь, а Леонтій Романовичъ сосланъ въ Пустозерскъ, потомъ переведенъ въ Колу. Имѣнье и вотчины его были конфискованы, впрочемъ древнія родовыя вотчины были отданы его племяннику, Ивану Никитичу Неплюеву; въ этихъ-то вотчинахъ, находившихся въ новгородской области, и поселился отецъ Неплюева. По сосѣдству съ этими вотчинами находились богатыя помѣстья князей Мышецкихъ, которые, будучи заражены расколомъ, говорили о Петрѣ великомъ, что онъ „сынъ еретическій, отъ антихриста зачался, извелъ князя В. В. Голицына да Леонтія Романовича Неплюева, а теперь изводитъ дядю своего, боярина Петра Абрамовича Лопухина, котораго самъ пыталъ: поливалъ двойнымъ виномъ и зажегъ". Князья Мышецкіе болѣе всѣхъ сосѣдей полюбили Ивана Никитича и, безъ сомнѣнія, причиною этого расположенія было то, что отецъ и дѣдъ его приняли, какъ они выражались, гоненіе за правду, и что самъ онъ еще не поступалъ на антихристову службу; къ тому же и дядя его, бояринъ Леонтій Романовичъ, былъ въ ихъ глазахъ мученикомъ. Особенно часто посѣщалъ Иванъ Никитичъ князя Петра Петровича Мышецкаго, вдовца, имѣвшаго сына Ѳедора и дочь Марѳу. Послѣдняя отличалась молодостью и красотой, Иванъ Никитичъ—тоже; молодые люди сблизились, и поклялись посвятить себя другъ другу; но имъ предстояло одолѣть почти непреодолимое препятствіе: старикъ отецъ никогда не согласился бы выдать дочь за человѣка новой вѣры, а таковыми онъ считалъ всѣхъ, кто не принадлежалъ къ расколу. Молодые люди и не подозрѣвали, какой дорогою цѣною судьба готовилась продать имъ взаимное счастіе. Въ это время, по всей Россіи зорко слѣдили за раскольниками: ихъ хватали повсюду, подвергали пыткамъ и часто замучивали до смерти; наконецъ, дошла очередь и до князей Мышецкихъ. Друзья Петра Петровича Мышецкаго дали знать ему изъ Москвы, что его участь уже рѣшена и его при-

казано арестовать. Получивъ это извѣстіе, князь Мышецкій не колебался ни минуты; онъ тотчасъ же сдѣлалъ нужныя распоряженія, тайнымъ образомъ отъ дѣтей, и, простившись съ ними, на другой же день добровольно сжегъ себя на кострѣ съ сотней другихъ своихъ приверженцевъ. Смерть князя Петра не помѣшала, однакожъ, конфискаціи его огромныхъ вотчинъ. Не смотря на это, Ив. Никитичъ Неплюевъ женился на осиротѣвшей княжнѣ Мышецкой, хотя ему и пришлось поплатиться большею частію своего состоянія по дѣлу Мышецкихъ, такъ-что послѣ своей смерти онъ оставилъ сыну и женѣ только 80 душъ крестьянъ. Иванъ Никитичъ скончался въ 1709 г. — на 38 году жизни, отъ ранъ, полученныхъ имъ въ сраженіи подъ Нарвой.

Такимъ образомъ, Иванъ Ивановичъ Неплюевъ по матери происходилъ изъ раскольнической семьи. До сихъ поръ сохранился портретъ одного изъ родственниковъ его матери, князя Семена Денисовича Мышецкаго, знаменитаго расколоучителя (1). Этотъ раскольническій образъ нарисованъ на кускѣ шелковой матеріи; Семенъ Мышецкій изображенъ указывающимъ на развернутую рукопись, что ясно свидѣтельствуетъ о желаніи живописца дать высокое понятіе объ учености Семена Денисова. Одинъ изъ такихъ портретовъ былъ на выставкѣ историческихъ картинъ въ С.-Петербургѣ, въ 1870 году; портреты Семена и Андрея Мышецкихъ можно также видѣть въ московскихъ и черниговскихъ библіотекахъ.

Несомнѣнно, что Марѳа Петровна имѣла сильное вліяніе на своего сына и передала ему многія черты, отличавшія ученыхъ раскольниковъ того времени. Эти поборники старины, доводя набожность до фанатизма и, какъ огня, боясь всякихъ нововведеній, обожали

(1) Странникъ 1873 г., № 1. «Нѣсколько словъ о моихъ столкновеніяхъ съ раскольниками», гдѣ говор. и о Семенѣ Денисовичѣ Мышецкомъ.

прѣдковъ и ихъ время, видѣли въ нихъ послѣдователей истиннаго, неискаженнаго ученія православной церкви, а уважая старину. они, понятно, старались и жить по старинному.—Теперь, когда боярство быстро клонилось къ упадку, когда изъ князей—бояръ,—этихъ меньшихъ братьевъ русскаго царя, по выраженію В. В. Темнаго,—остался только призракъ, выродившійся наконецъ въ ничтожныхъ государевыхъ холоповъ, эти люди „измалодушившіеся“, какъ говоритъ о нихъ великая старица Марѳа Ивановна, потерявшіе всякое значеніе въ глазахъ массы, думали возвыситься надъ нею, отдѣливъ себя рѣзкою чертою. Только немногіе, сознательно любившіе старину люди, вздыхали тайкомъ о томъ времени, когда бояре, младшіе братья царя, были любящими отцами русскаго народа; сильные дѣйствительными заслугами и гордые только любовію и уваженіемъ массъ, они не боялись жить одною общею и солидарною жизнію со всѣмъ русскимъ народомъ. Къ этимъ немногимъ сознательнымъ обожателямъ старины принадлежали и князья Мышецкіе. Всѣ эти черты были глубоко восприняты Марѳой Петровной и переданы сыну, въ которомъ впослѣдствіи и отразилась ихъ привлекательная сторона. Необыкновенно набожный, онъ удивлялъ своихъ современниковъ либерализмомъ своихъ воззрѣній. Голиковъ, 20 лѣтъ безотлучно живпій съ Неплюевымъ, не безъ удивленія говоритъ, что Иванъ Ивановичъ для всѣхъ одинаково былъ доступенъ, съ подчиненными говорилъ какъ съ равными, даже съ своими холопами обращался скорѣе какъ съ дѣтьми, чѣмъ какъ съ рабами. Умирая, Неплюевъ, между прочимъ, внушалъ своему сыну: „подчиненнымъ твоимъ и *паче крестьянамъ* будь больше отецъ, нежели господинъ, имѣя присно въ памяти слово Божіе: „милости хощу, а не жертвы“, и что *они такіе же люди, какъ и ты, кромѣ чиновъ и власти*, данной тебѣ гражданскими законами“. Сколько высокихъ и глубоконравственныхъ идей въ этихъ словахъ умирающаго осмидесятилѣтняго старца! Сколь-

ко гуманности, честности и любви къ ближнему и меньшей нашей братіи! Но важнѣе всего то, что эти идеи не были только словомъ, но и дѣломъ Неплюева, хотя отъ слова до дѣла неизмѣримо далеко. Выше мы видѣли, что въ годъ смерти отца Неплюеву исполнилось 16 лѣтъ. Каждому мыслящему человѣку понятно, какъ важно первоначальное воспитаніе ребенка и первыя впечатлѣнія человѣка въ молодости, а потому мы считаемъ не лишнимъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о первоначальномъ воспитаніи и молодости Неплюева до поступленія его на службу, тѣмъ болѣе, что объ этомъ, какъ и о родителяхъ Ив. Ивановича, до сихъ поръ ничего не было сказано въ нашей исторической литературѣ (1).

Дѣтство и отрочество Ивана Ивановича спокойно протекли въ деревнѣ, подъ заботливымъ взоромъ матери; отецъ его почти постоянно бывалъ въ отлучкахъ, по дѣламъ службы. Самыми близкими къ нему родственниками были родные его матери, князья Мышецкіе. Родной дядя Неплюева по матери, Ѳедоръ Петровичъ жилъ въ деревнѣ, по сосѣдству съ сестрой, которая нерѣдко бывала у брата и съ сыномъ; затѣмъ ближайшими знакомыми Неплюевыхъ были Квашнины—Самарины и Татищевы. Тихо протекло дѣтство Ив. Ивановича въ деревенской глуши. Въ то время воспитаніе мало отнимало досуга у дѣтей; оно ограничивалось обыкновенно и въ самыхъ передовыхъ семьяхъ обученіемъ чтенію и письму. Первымъ учителемъ Ив. Ивановича, по обыкновенію, долженъ быть мѣстный священникъ; но очень вѣроятно предположеніе, что первоначальной грамотѣ научила его мать, такъ какъ родъ Мышецкихъ, изъ котораго она происходила,

(1) Свѣдѣнія о происхожденіи и первоначальномъ воспитаніи Неплюева недавно сообщены намъ Никол. Ник Неплюевымъ, сыномъ черниговскаго предводителя дворянства, Николая Ивановича Неплюева и его жены Александры Николаевны, урожденной Шлиппенбахъ. Ник. Ник. Неплюевъ въ 1875 г. кончилъ курсъ въ Спб. университетѣ на истор.-ф. ф. и происходитъ отъ знаменитаго основателя Оренбурга.

извѣстенъ въ исторіи не однимъ религіознымъ фанатизмомъ, но и замѣчательнымъ по тому времени образованіемъ. Между тѣмъ, насталъ 1700 годъ; израненный отецъ семилѣтняго Неплюева вернулся изъ-подъ Нарвы и болѣе уже не покидалъ ихъ. Постоянно больной, Иванъ Никитичъ прожилъ еще 9 лѣтъ; онъ страдалъ не отъ однихъ ранъ, полученныхъ имъ подъ Нарвой, но и душевно: онъ не могъ забыть позора русскихъ при этой несчастной осадѣ; выражалъ недовольство на новые порядки, введенные Петромъ въ войскѣ; содрогался, при воспоминаніи объ измѣнѣ герцога de Croy, передавшагося на сторону Карла XII, въ самомъ началѣ сраженія; — все это сдѣлало Ив. Никитича угрюмымъ, раздражительнымъ, и не осталось безъ вліянія на впечатлительную натуру отрока—сына. Болѣзненный видъ израненнаго, угрюмаго и раздражительнаго отца, кроткій и любящій взоръ матери сообщили молодому Неплюеву ту тихую грусть и ту безропотную покорность судьбѣ, которыя впослѣдствіи постоянно охраняли его въ счастіи отъ упоенія и гордости, а въ трудныя минуты жизни, которыхъ было не мало у Неплюева, отъ ропота и отчаянія. 10-го іюля 1709 г., какъ мы знаемъ, Иванъ Никитичъ умеръ. Не прошло и двухъ лѣтъ послѣ его кончины, какъ Марѳа Петровна позаботилась пріискать для сына невѣсту. Въ то время новгородскимъ намѣстникомъ былъ Ив. Юрьевичъ Татищевъ; это былъ внукъ Степана Лазаревича, извѣстнаго сподвижника князя Пожарскаго. У Ив. Юрьевича былъ только одинъ братъ Ѳедоръ, уже умершій въ то время; послѣ него остались: сынъ Василій и дочь Ѳеодосія. Не имѣя своихъ дѣтей, Иванъ Юрьевичъ взялъ сиротъ къ себѣ. Бывая въ домѣ Татищевыхъ и раньше, Марѳа Петровна неоднократно видѣла Ѳедосью Ѳедоровну и теперь выбрала въ подруги жизни своему сыну. Въ воскресенье 9 сентября 1711 года, совершено было бракосочетаніе Ив. Неплюева съ Ѳедосьей Татищевой. Неплюевъ замѣчаетъ въ своихъ Запискахъ, что онъ женился *„по*

волѣ матери“, намекая, вѣроятно, этимъ на то, что выборъ невѣсты принадлежалъ не ему и, очень возможно, что молодые люди, по тогдашнему обыкновенію, не видѣли другъ друга до обрученія. а, можетъ быть, самъ Неплюевъ и не думалъ жениться или вовсе или, по крайней мѣрѣ, такъ рано. Чрезъ два года послѣ женитьбы (1713 г.) Неплюевъ отправился „по обѣщанію“ въ какой-то монастырь, и только въ мартѣ 1715 года возвратился въ Поддубье, употребивъ почти два года на это пѣшее путешествіе. Это событіе въ жизни Неплюева весьма характеристично. Чтобы рѣшиться на подобное путешествіе, и добровольно почти два года провести въ разлукѣ съ семьею, для молитвы, нужно имѣть крѣпкую сердечную вѣру въ Бога и преданность Его волѣ; нужно выработать твердую и благочестиво настроенную и направленную волю. Это путешествіе и жизнь Ив. Ивановича въ монастырѣ есть лучшее доказательство его неподдѣльной набожности, богобоязненности, вѣры и ревности къ благочестію, завѣщанному отъ предковъ и развитому въ немъ умной и любящею матерью. Извѣстно, что впослѣдствіи, во дни своей славы и могущества, Неплюевъ никогда не выѣзжалъ со двора, не выслушавъ литургіи въ домовой церкви, а во время путешествій имѣлъ при себѣ священника и походную церковь (1).

Случилось такъ, что Неплюевъ, исполняя свой благочестивый обѣтъ, какъ бы приготовлялся къ той многополезной и многотрудной дѣятельности, которая

(1) Въ бытность оренбургскимъ губернаторомъ, онъ получилъ походный иконостасъ церкви Воскресенія, писанный на бѣломъ атласѣ, отъ калмыцкой княгини Анны Тайшиной, и всю церковную утварь. Эта походная церковь, хранящаяся до сихъ поръ въ Неплюевской оренбургской военной гимназіи, была подарена Петромъ Великимъ внуку калмыцкаго хана Аюки, князю Петру Тайшину, крестнику Петра, въ знакъ особаго къ нему благоволенія императора. Вотъ этотъ-то походный храмъ всегда находился при Неплюевѣ, во время его разъѣздовъ по Оренбургскому краю. См. подробности объ этомъ храмѣ въ газетѣ «Образованіе и Промышленность» 1872 г., № 10.

ожидала его впереди. Не успѣлъ онъ отдохнуть отъ дороги, какъ въ Новгородъ пріѣхалъ князь Меньшиковъ и потребовалъ къ себѣ всѣхъ неслужащихъ дворянъ; 24 марта произведенъ былъ имъ смотръ: одни были опредѣлены на службу, другіе отданы въ ученье,— Неплюевъ былъ въ числѣ послѣднихъ. Съ этого времени для него начинается новая жизнь. Воспитанный среди людей старой партіи, каковы были князья Мышецкіе и Татищевы, хорошо помня ненависть, съ какою относился его отецъ къ реформамъ Петра, Неплюевъ могъ взглянуть на новое свое положеніе, какъ на измѣну прошлому, какъ на преступленіе противъ убѣжденій своихъ предковъ. Кромѣ того, человѣку женатому да притомъ имѣющему дѣтей, безъ сомнѣнія, не легко было сѣсть на школьную скамью. Но въ то время не церемонились: князь Меньшиковъ приказалъ, — пришлось повиноваться. Марѳа Петровна не перенесла этого удара и въ началѣ мая тогоже года скончалась. Но Неплюева на этотъ разъ спасла отъ уныніи покорность волѣ Божіей и волѣ государя. Здѣсь мы остановимся, такъ-какъ дальнѣйшая судьба и служебная дѣятельность Неплюева подробно изложены въ указанной нами монографіи „Неплюевъ и Оренбургъ“; замѣтимъ только, что, благодаря могучему уму и сильному характеру Неплюева, изъ него выработался самостоятельный и высокій типъ лучшихъ учениковъ, вышедшихъ изъ практической школы Преобразователя Россіи. Изъ этого сына раскольницы, отецъ которой сжегъ себя добровольно на кострѣ и называлъ Петра великаго антихристомъ, вышелъ *человѣкъ-христіанинъ*, въ полномъ значеніи этого слова, хорошій морякъ, храбрый воинъ (1), опытный дипломатъ (2), искусный

---

(1) Смотр. въ Запискахъ Неплюева аттестатъ, данный ему отъ Супракомито Винценца Капелло, свидѣтельствующій объ участіи и храбрости Неплюева въ войнѣ венеціанцевъ съ турками.

(2) См. 18 т. Исторіи Россіи. С. М. Соловьева.

инженеръ (1), энергичный колонизаторъ (2), трудолюбивый и честный служака (3), прекрасный отецъ семейства (4), нѣжный и попечительный супругъ (5), полезный и дорогой членъ русской семьи и вѣрный сынъ Православной Церкви (6). Не даромъ Петръ великій, еще въ самомъ началѣ службы Неплюева, замѣтилъ о немъ: „*въ этомъ маломъ путь будетъ*“. Самъ Неплюевъ глубоко уважалъ Петра. Узнавъ о его кончинѣ, онъ цѣлый день обливался слезами: „я смочилъ бумагу слезами“,—читаемъ въ Запискахъ Неплюева, — „и ей-ей, не лгу, *былъ болѣе сутокъ въ безпамятствѣ*, да иначе бы мнѣ и грѣшно было: сей Монархъ отечество наше привелъ въ сравненіе съ прочими; научилъ узнавать, что и мы люди, — однимъ словомъ, на что въ Россіи ни взгляни, все его началомъ имѣетъ, и чтобы впредь ни дѣлалось, отъ сего источника черпать будутъ; а мнѣ собственно былъ Государь и *отецъ милосердый*. Да вчинитъ Господь душу его, многотрудившагося о пользѣ общей, съ праведными“! Голиковъ, обязанный большею частію сообщаемыхъ имъ свѣдѣній о Петрѣ Неплюеву, говоритъ, что когда онъ просилъ Ив. Ивановича разсказать что-нибудь о Петрѣ Великомъ; то Неплюевъ обыкновенно говорилъ при этомъ: „эвося, братецъ, ты опять хочешь, чтобы я плакалъ“ (7)!—Неплюевъ, безъ сомнѣнія, хорошо зналъ и недостатки

---

(1) Основаніе и укрѣпленіе Оренбурга и цѣлой линіи крѣпостей въ этомъ краѣ служатъ краснорѣчивымъ тому доказательствомъ

(2) Подтвержденіе этого находимъ въ колонизаціи Оренбургскаго края.

(3) Нападки на Неплюева Г. Карновича и другихъ, по дѣлу Волынскаго и пріобрѣтенію имъ имѣній, мы со временемъ надѣемся разсмотрѣть особо.

(4) Кто знакомъ съ заботами Неплюева о воспитаніи его дѣтей и внуковъ, тотъ не усумнится и въ этомъ.

(5) Возьмите, напримѣръ, отношеніе Неплюева къ своей женѣ, во время его болѣзни въ Константинополѣ.

(6) Доказательства этого безчисленны,—ихъ подтвердили и пастыри Церкви съ церковнаго амвона, какъ сейчасъ увидимъ.

(7) См. т. XV, 273.

Петра, напр., его семейныя дѣла, которыя для людей религіозныхъ особенно дѣлаютъ непривлекательною личность Преобразователя; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Неплюевъ хорошо также сознавалъ и понималъ, что великіе дѣятели тоже—люди.

Прошло сто лѣтъ со дня кончины Неплюева, а Иванъ Ивановичъ не забытъ; благодарное потомство вспомнило его заслуги Русскому государству и, въ особенности, его труды на пользу Оренбургскаго края. Имя основателя Оренбурга, колонизатора и благоустроителя этого края записано крупными письменами на скрижаляхъ исторіи: 11 ноября 1873 года въ Гурьевѣ, Уральскѣ, Троицкѣ, Оренбургѣ, Уфѣ и по всѣмъ селамъ Оренбургской епархіи была отслужена заупокойная литургія и панихида объ упокоеніи души боляpина Іоанна; тысячи народа молились объ этой душѣ, дорогой для русскаго сердца; молились о незабвенномъ труженикѣ и служители алтаря Господня, старавшіеся воскресить въ умахъ народа величавый образъ Неплюева и выразившіеся о немъ словами библейскаго мудреца: „тѣлеса ихъ въ мирѣ погребена быша, а имена ихъ живутъ въ роды. Премудрость ихъ повѣдятъ людіе, и похвалу ихъ исповѣсть Церковь“ (1) (Сир. XLIX, 13—14).

Таковъ былъ, по нашему убѣжденію, первый губернаторъ и колонизаторъ Оренбургскаго края, который поистинѣ можетъ служить примѣромъ подражанія для многихъ. Графъ Сухтеленъ (2), одинъ изъ преемниковъ Неплюева по управленію Оренбургскимъ краемъ, говорилъ: „мною еще не выполнено того, о чемъ когда-то помышлялъ Неплюевъ; занимая мѣсто Неплюева и читая его мнѣнія, *не могу не поддаться обаянію Неплюева и желалъ бы исполнить его волю*“.

---

(1) См. въ Епарх. Оp. вѣд. за 1873 г., № 23-й, и за 1874, № 1. Здѣсь помѣщены слова, сказанныя въ день столѣтняго юбилея Неплюева протоіер. Сахаровымъ и Семеновымъ.

(2) Сухтеленъ былъ оренб. губ. съ 1830—1833 г.

Извиняясь предъ читателями за нѣкоторое отступленіе отъ главнаго предмета нашей статьи, позволимъ себѣ думать, что сообщенныя нами свѣдѣнія о Неплюевѣ прольютъ нѣкоторый свѣтъ на его отношенія къ расколу въ Уральскомъ войскѣ, на его снисходительность и религіозную уступчивость въ отношеніи къ раскольникамъ, вопреки крутымъ и рѣшительнымъ мѣрамъ того времени.

Яицкое войско, перейдя изъ вѣдомства Астраханскаго губернатора къ Неплюеву, какъ оренбургскому губернатору, во многомъ выиграло. Неплюевъ отстоялъ предъ правительствомъ право войска на р. Яикъ, укрѣпивъ и заселивъ ее форпостами и редутами на протяженіи 700 верстъ, отъ Разсыпной крѣпости до Гурьева городка. Благодаря заботамъ, старанію и энергіи Неплюева, казаки, удержавъ за собою Яикъ, получили въ аренду Гурьевскіе учуги и соляной сборъ съ рыбы и икры, производившійся въ Сызрани, на на Батрацкой ярмаркѣ, въ Самарѣ, Сергіевскѣ, Алексѣевскѣ и Оренбурскихъ крѣпостяхъ. Не смотря на многіе недостатки Яицкаго войска, Неплюевъ видѣлъ, что оно составляло незамѣнимый матеріалъ для военной колонизаціи края, и потому онъ всячески старался улучшить экономическій бытъ войска, дать ему прочное административное и военное устройство, руководясь тѣми основаніями, которыя наиболѣе согласовались съ потребностями колонизируемаго имъ края и назначеніемъ, какое должны были занять, по его мнѣнію, яицкіе казаки. Но Неплюевъ обратилъ вниманіе и на бѣглыхъ.

Въ половинѣ ноября 1746 г., Неплюевъ, вслѣдствіе своего отношенія, получилъ изъ В. Коллегіи указъ, которымъ предписывалось отправить на Яикъ особаго штабъ-офицера „съ пристойной командою, которому бѣглыхъ, всякаго званія служилыхъ и другихъ чиновъ шатающихся тамъ людей, *кромѣ природныхъ казаковъ*, кои въ томъ войскѣ съ 203 (т. е. съ 7203, или съ 1695 г. по Р. Х.) года въ казакахъ служатъ (кото-

рыхъ какъ съ Дону, такъ съ Яика высылать не велѣно), сыскивать и высылать съ конвоемъ на войсковомъ коштѣ: помѣщиковыхъ къ ихъ помѣщикамъ, а служилыхъ людей опредѣлять попрежнему въ полевые и гарнизонные полки" (1). —Неплюевъ, получивъ этотъ указъ, донесъ В. Коллегіи, что изъ имѣющейся у него выписи видно, что еще въ 1722 году полковнику Захарову велѣно было „всѣхъ тѣхъ бѣглыхъ солдатъ, крестьянъ и прочихъ чиновъ людей включить въ перепись и велѣть имъ служить въ казакахъ попрежнему", а въ 1734 году, когда помѣщики стали жаловаться на побѣги крестьянъ и ихъ укрывательство въ Яицкомъ войскѣ, Сенатъ распорядился, чтобы дворцовые, монастырскіе и помѣщиковы крестьяне, пришлые на Яикъ послѣ переписи Захарова, были выведены. „Итако",—заключаетъ Неплюевъ, — „не описку ли означенный въ полученномъ указѣ 203 годъ разумѣется"? Вмѣстѣ съ тѣмъ, Неплюевъ проситъ Военную Коллегію разъяснить, съ какого именно года „оный сыскъ и высылку чинить, — съ 203, какъ въ указѣ изображено, или съ 1722 г., какъ сказано въ выпискѣ". Указывая на перепись Захарова, Неплюевъ просилъ выслать ему съ нея копію, такъ какъ безъ этого „производить розыскъ и разбирать могущія встрѣтиться затрудненія будетъ невозможно". Въ началѣ марта 1747 года, извѣщая Яицкое войско (2) о вышеизложенномъ распоряженіи Военной Коллегіи, Неплюевъ предупреждаетъ атамана и старшинъ, чтобы они „учинили все должное исполненіе, какъ означенные въ той выпискѣ указы повелѣваютъ". Войсковой атаманъ вскорѣ донесъ Неплюеву, что всѣ пришлые на Яикъ послѣ переписи полковника Захарова, въ силу указа 1743 г., отвезены, куда слѣдовало, на коштъ держа-

---

(1) Уральск. в. вѣд. 1870 г., № 13.

(2) Чрезъ полковника Пальчикова, находившагося въ это время въ Яицкомъ городкѣ.

телей. Что же касается тѣхъ, которые, во время переписи Захарова, находились уже въ войскѣ, но за отлучкою не вошли въ списки, какъ о томъ они сами показали; то положительно увѣриться въ этомъ, за неимѣніемъ въ войскѣ переписныхъ книгъ Захарова, невозможно. Неплюевъ, получивъ такой отвѣтъ, обратился въ Военную Коллегію съ просьбой дать ему указъ, какъ поступать въ данномъ случаѣ.

Между тѣмъ, войсковое начальство, донося о произведенной на Яикѣ переписи, представило самые списки вошедшихъ въ перепись лицъ; въ числѣ записанныхъ оказались и такіе, которые при Захаровѣ были на Яикѣ, но вошли ли тогда въ перепись, не помнятъ. Изъ представленныхъ Неплюеву перечневыхъ вѣдомостей видно, что 1) вошедшихъ въ перепись Захарова и рожденныхъ послѣ того дѣтей въ Яицкомъ войскѣ, въ станицахъ Сакмарской и Илецкой было 4037 душъ; 2) бывшихъ въ казакахъ, но невошедшихъ въ перепись Захарова за отлучками, на Яикѣ и въ Сакмарскѣ 176 чел.; 3) во всѣхъ трехъ мѣстахъ, явившихся послѣ переписи посадскихъ, дворцовыхъ, ясашныхъ, бобылей, непомнящихъ родства и изъ ямщиковъ 194 чел.; синодальныхъ, архіерейскихъ и монастырскихъ 42 чел., помѣщичьихъ 81, разночинцевъ 149, недопрошенныхъ на Яикѣ и въ Сакмарскѣ 53,—всего же послѣ переписи явилось 519 ч., а съ присоединеніемъ къ нимъ 176, невошедшихъ въ перепись за отлучками,—695 чел. По полученіи этихъ свѣдѣній, Неплюевъ вошелъ въ сношеніе съ Военной Коллегіей; весьма замѣчательно по этому дѣлу мнѣніе самого Неплюева. Стараясь о колонизаціи Оренбургскаго края, весьма мало еще населеннаго въ отмѣченное время, Неплюевъ, вопреки стремленіямъ и желанію Военной Коллегіи, высказывается за оставленіе бѣглыхъ на Яикѣ. Вотъ что онъ писалъ, между прочимъ, въ Военную Коллегію: „такъ какъ по указу 1746 г. велѣно только помѣщичьихъ отсылать къ помѣщикамъ и служилыхъ записать въ казаки, о другихъ же ни о ка-

кихъ не упомянуто; но служилыхъ по переписи, кромѣ 24 чел., не оказалось, помѣщичьихъ же оказалось 81; то всѣмъ онымъ безъ особливаго государственной Военной Коллегіи опредѣленія учинить высылку ему, дѣйствительному тайному совѣтнику, разсудилось за невозможное. Государственной Военной Коллегіи не безъизвѣстно, какой *важный воинный корпусъ* есть помянутое Яицкое войско не только для здѣшней безопасности отъ степныхъ кочующихъ народовъ, но и для другихъ государственныхъ пользъ, и какая немалая потребность всегда того наблюдать, дабы оный въ добромъ состояніи соблюдать, *который что людите, то лучше*; а понеже изъ представленныхъ, сверхъ переписи явльшихся при нынѣшней генеральной ревизіи на прежнихъ ихъ жилищахъ, въ подушный окладъ уже не написаны, а если и написаны, то отлучными; слѣдственно въ подушный окладъ не вошли, да и польза отъ нихъ платежемъ того оклада, ежели ихъ выслать и въ оный окладъ положить, будетъ невеликая, и той, какая отъ службы ихъ въ тѣхъ трехъ городкахъ происходитъ и впредь происходить можетъ, весьма несравненная. *Того ради*, какъ оныхъ, такъ и разночинцевъ, которые почти всѣ подушному окладу неподлежащіе, *не соизволитъ ли Воинная Коллегія оставить уже въ корпусѣ того войска*“ (1). Военная Коллегія почему-то смолчала на это вполнѣ раціональное мнѣніе Неплюева, и дѣло о розыскѣ раскольниковъ, пріютившихся на Яикѣ, было на время забыто и, вѣроятно, не скоро бы возобновилось, если бы не напомнилъ о немъ старецъ Варѳоломей, пойманный въ Донскомъ войскѣ (2). При допросахъ, Варѳоломей указалъ Военной Коллегіи, гдѣ находились главные тогдашніе

(1) Ур. в. вѣд. 1870 г., № 13.

(2) См. о поимкѣ и допросахъ Варѳоломея въ Тургайскомъ арх. книгу указовъ за 1752 г., № 25 стр. 179—187; тамъ же книга указовъ за 1753 г., № 26, стр. 28 и далѣе.

притоны раскольниковъ; на Яикѣ, по заявленію Варѳоломея, скрывалось болѣе 200 раскольническихъ старцевъ (1) и старицъ, главное вліяніе и значеніе между ними принадлежало старцу Аврамію, который всѣхъ яицкихъ старшинъ и казаковъ, ихъ женъ и дѣтей причащалъ и исповѣдывалъ. Дальше изъ показаній Варѳоломея видно, что этотъ Аврамій въ 1752 г. удалился на Вѣтку, а его замѣнилъ бѣглый попъ Тимоѳей, получившій при постриженіи имя Тихона; что по осени этого года пріѣзжалъ въ Яицкій городокъ казанскій протопопъ, для розыска раскольниковъ, и обязалъ атамана и старшинъ подписками, чтобы впредь такихъ старцевъ и старицъ не держали, при чемъ „оному протопопу, чтобы вдаль не розыскивалъ, дали войскомъ *сто сорокъ* рублей". Между тѣмъ, атаманъ и старшины скрыли Тихона на одномъ островѣ, гдѣ онъ и жилъ, покуда протопопъ находился въ Яицкомъ городкѣ. Въ то же время раскольники собрались въ келью Іоакима для совѣщанія о томъ, какъ имъ удалиться на Кубань. Совѣтъ состоялъ изъ старцевъ: Евстифія, Іоакима, Никодима, самого Варѳоломея и какого-то бѣльца, знавшаго татарскій языкъ, подъ предсѣдательствомъ расколоучителя Тихона. При обсужденіи вопроса о побѣгѣ на Кубань, мнѣнія раздѣлились: Тихонъ предлагалъ отправиться на Кубань чрезъ Вѣтку, откуда онъ уже проводилъ туда одного попа и 3 старцевъ, или на Харьковъ и Крымъ; Варѳоломей же стоялъ за путь чрезъ р. Сарпу, степью. Такъ какъ соглашенія не послѣдовало; то рѣшено было отправить Варѳоломея, для совѣщанія по этому вопросу, къ Дубовскимъ раскольникамъ. По прибытіи

---

(1) Нѣкоторыхъ изъ подстригшихся старцевъ Варѳоломей назвалъ даже по именамъ и обозначилъ количество жившихъ при нихъ раскольниковъ, напримѣръ: Аврамій съ 10-ю челов., Іаковъ съ 2 мя, Евстафій съ 3, Іоакимъ съ 10 ю, Арсеній съ 1-мъ, Давидъ съ 2-мя, Фаддѣй съ 3, Аароиъ съ 3, Сергій съ 3, Лаврентій, Варсонофій, Власій, Германъ и Іовъ съ братіею. (См. указы 1753 г. въ Тургайск. арх., стр. 28, § 7).

въ Дубовку, Варѳоломей былъ арестованъ и 23 декаб. представленъ въ Черкасскъ, гдѣ и былъ допрошенъ атаманомъ Ефремовымъ (1), котораго особенно не любили и боялись раскольники. Варѳоломей въ разговорѣ съ казакомъ Григорьевымъ, который былъ главнымъ виновникомъ его ареста, такъ отзывался объ Ефремовѣ: „онъ на христіанъ такъ немилосердо гонитъ, что нигдѣ отъ него и мѣста нѣтъ, и буде хотя гдѣ и въ скрытномъ мѣстѣ отцы живали; то онъ, какъ дьяволъ ему сказываетъ, и тамъ ихъ находитъ и искореняетъ.... Что уже *нигдѣ отъ него отцамъ скрытца не возможно*“ (2). Таковъ былъ человѣкъ, допрашивавшій Варѳоломея, по взгляду на него послѣдняго.— Какъ бы то ни было, Ефремовъ, допросивъ Варѳоломея, показанія его препроводилъ въ Военную Коллегію.—Когда Военная Коллегія получила отвѣты Варѳоломея и узнала о намѣреніи раскольниковъ бѣжать на Кубань, сильно была озадачена, и тотчасъ же предписала оренбургскому губернатору, чтобы чрезъ вѣрныхъ и надежныхъ людей наведены были секретныя справки о всѣхъ скрывающихся на Яикѣ ересенаставникахъ, и „ежели сыщутся, оныхъ всѣхъ главныхъ ересенаставниковъ тотчасъ забрать подъ крѣпкій карауль и о той ихъ богомерзкой ереси и о намѣреніи къ побѣгу на Кубань распроси, *всякими образы* истины доискиваться и что явится, также и самихъ ихъ, ежели сыщутся, прислать въ Коллегію, заковавъ руки и ноги, подъ крѣпкимъ карауломъ“.

Неплюевъ въ это время находился въ Петербургѣ. Получивъ указъ Военной Коллегіи, онъ 11 дек. немедленно препроводилъ его къ бригадиру Тевкелеву,

---

(1) См. Ур. в. арх. по опис. № 41, извл. изъ кн. секр. пов. № 6, стр. 32. Слич. Ур. в. вѣд. 1870 г., № 14.

(2) См. въ Тург. арх. указы 1752 г., кн. № 25, стр. 181. Слич. характеристику Ефремова у С. М. Соловьева въ его «Ист. Россіи» т. 23, стр. 223—224.

прося послѣдняго въ своемъ письмѣ обсудить это дѣло, вмѣстѣ съ бригадиромъ Бахметьевымъ, совѣтникомъ Рычковымъ и атаманомъ Яицкаго войска Меркурьевымъ.

Тевкелевъ, какъ видно, медлилъ отвѣтомъ; между тѣмъ, 15 янв. 1753 г., Неплюевъ получилъ вторичный указъ изъ Военной Коллегіи, которымъ настоятельно требовалось, чтобы уже „*всѣхъ* живущихъ въ Яицкомъ войскѣ раскольнической ереси наставниковъ и укрывателей такъ же, какъ и въ войскѣ Донскомъ, забрать подъ крѣпкій караулъ и о той ихъ богомерзкой ереси и о побѣгѣ на Кубань, *распрося съ пристрастіемъ, прислать въ Военную Коллегію подъ крѣпкимъ карауломъ*“ (1). Неплюевъ въ тотъ же день, какъ получилъ этотъ указъ, отправилъ къ Тевкелеву письмо, прося его поспѣшить изслѣдованіемъ дѣла о раскольникахъ, и копію съ допросовъ Варѳоломея; о томъ, что будетъ происходить, Неплюевъ просилъ Тевкелева увѣдомлять его съ каждой почтой обстоятельно.

Тевкелевъ, получивъ второе письмо Неплюева, распорядился наконецъ принять мѣры относительно розыска раскольниковъ: 17 фев. въ Яицкій городокъ командированъ особой коммиссіей, составленной по этому дѣлу, капитанъ Иванъ Тимашевъ.

Изъ указа Оренбургской губернской канцеляріи, отъ 28 февр. 1753 г., видно, что Иванъ Тимашевъ не оправдалъ надеждъ коммиссіи, отправившей его на Яикъ, почему и былъ отозванъ въ Оренбургъ (2), а на его мѣсто назначены маіоръ Артемьевъ, капитанъ Михаилъ Тимашевъ и поручикъ Полябинъ. Новые сыщики получили неограниченную власть и, на случай осторожности, регулярную команду изъ 120 чел. солдатъ. Кромѣ того, Яицкому войску было предписано,

---

(1) Указы 1753 года въ Тург. арх. кн. № 26, стр. 21—28.

(2) Не смотря на это, Неплюевъ представилъ его за труды къ повышенію въ слѣдующій чинъ (См. въ Тург. арх. кн. указовъ 1753 г № 26, стр. 54).

подъ опасеніемъ строгой отвѣтственности и штрафа, всѣми мѣрами содѣйствовать сыщикамъ въ отысканіи и поимкѣ скрывавшихся на Яикѣ расколоучителей, и безпрекословно исполнять всѣ требованія маіора Артемьева. Такимъ образомъ, новые сыщики могли дѣйствовать свободно и вполнѣ самостоятельно и, дѣйствительно, они оказались гораздо энергичнѣе и дѣятельнѣе своего предшественника: ими было переловлено и вывезено изъ Яицкаго городка, включая и виновныхъ въ укрывательствѣ, 141 челов., изъ которыхъ 42 старца (1) были отправлены въ Военную Коллегію, одинъ въ Нижегородскую духовную консисторію, а прочіе были опредѣлены на каторжныя работы въ Оренбургъ. Кромѣ того, утонувшихъ и замерзшихъ въ степи было найдено 9 челов., нѣкоторые же, находясь подъ арестомъ, добровольно уморили себя голодомъ. Гоненіе на раскольниковъ распространилось въ это время и за предѣлы Яицкаго войска: вскорѣ были отправлены изъ Яицкаго городка сыскныя команды въ сосѣднія съ войскомъ степи; на берегахъ рѣкъ Чижей, Большаго и Малаго Иргизовъ было поймано 243 чел. обоего пола. Впрочемъ, не смотря на всю изворотливость и быстроту дѣйствій сыщиковъ, нѣкоторые изъ раскольниковъ успѣли скрыться, въ числѣ послѣднихъ былъ и бѣглый попъ Тихонъ. На допросахъ пойманные раскольники во многомъ не подтвердили показаній Варѳоломея, — такъ они отреклись отъ намѣренія бѣжать на Кубань, а заявили, что попъ Тихонъ звалъ ихъ въ Польшу, на Вѣтку, гдѣ онъ прежде жилъ самъ. Протопопъ дѣйствительно пріѣзжалъ въ Яицкій городокъ изъ Оренбурга, по распоряженію казанскаго архіерея; но денегъ ему никто не давалъ. Варѳоломей, какъ намъ извѣстно, показалъ, что Тихонъ всѣхъ старшинъ и казаковъ, ихъ женъ и дѣтей исповѣдывалъ и

(1) Эти 42 челов. были по преимуществу лжеучители, ересеначальники и почти всѣ грамотные.

причащалъ, оговоривъ при этомъ въ укрывательствѣ Тихона самого войсковаго атамана, но все это по произведенному слѣдствію не подтвердилось. Вообще изъ дѣла видно, что изъ природныхъ Яицкихъ казаковъ прикосновенными къ расколу оказались немногіе, разумѣется, de jure, а не de facto. Въ первой половинѣ марта тогоже года (1), Тевкелевъ и Бахметьевъ донесли Неплюеву о поимкѣ 65 чел., въ томъ числѣ семи ересеначальниковъ, между которыми были старшина Карповъ и бывшій коммисаръ Утятниковъ. Въ отвѣтъ на это доношеніе, Неплюевъ, 23 и 26 марта, писалъ: „старшину Карпова, бывшаго коммисара Утятникова и другихъ грамотныхъ, хотя бы изъ простыхъ, выслать въ Военную Коллегію, а казака Логинова и другихъ пристаньщиковъ взять на работы въ Оренбургъ до указу, а въ прочемъ *того слѣдствія въ войскѣ Яицкомъ не расширять*, ибо извѣстно, что они тою слѣпотою суевѣрія заражены, токмо имъ указомъ подтвердить, чтобы впредь, подъ опасеніемъ не упустимаго по указамъ штрафа, такихъ лжеучителей и бродягъ не принимали и никакого пристанища имъ не давали, и сообщенія съ ними не имѣли, и опредѣлили-бъ особливыхъ двухъ старшинъ, чтобъ того безпрестанно наблюдали, дабы у нихъ таковыхъ и никакихъ бѣглыхъ въ Яицкомъ городкѣ не было; тако же и на хуторахъ, и между форпостовъ въ лѣсахъ ежегодно осматривали, и на форпостахъ стоящему атаману накрѣпко подтверждали, чтобъ и онъ тогожъ наблюдалъ“ (2).—Пойманныхъ на Иргизѣ Неплюевъ предписалъ до указу также взять въ Оренбургъ „и употреблять на казенныя работы скованныхъ съ крѣпкимъ смотрѣніемъ, чтобъ утечки имѣть не могли, а между тѣмъ, что произойдетъ, обстоятельно доносить,

---

(1) 9 и 12 марта 1753 года.

(2) Въ Тург. арх. указы 1753 г., кн. № 26, стр. 49—50.

не *мѣшая пргизскаго дѣла съ яицкимъ*“ (1). Изъ письма Неплюева, между прочимъ, видно, что сыщики, преслѣдуя бѣглыхъ расколоучителей, не оставили въ покоѣ и Яицкаго духовенства: всѣ церковныя ризы, богослужебныя книги и нѣкоторыя другія вещи, показавшіяся имъ почему-либо подозрительными, были отобраны ими и унесены изъ церквей. Неплюевъ предписалъ, чтобы всѣ эти вещи были „*до указу*“ возвращены и отданы въ соборную церковь подъ особую росписку, а „соборному протопопу съ священники стараться увѣщевать раскольниковъ и къ святой Церкви въ общеніе приводить, о чемъ къ нимъ письменно предложить“ (2). Въ заключеніе Неплюевъ проситъ передать капитану Тимашеву съ командою и казакамъ Пономареву и Харкину, что, „*за ревнительное и искусное въ томъ дѣлѣ произвожденіе*“, они достойны похвалы и награжденія, и что онъ постарается не забыть этого (3); Неплюевъ выражаетъ свое удовольствіе и войсковому атаману Меркурьеву, замѣтивъ при этомъ, что онъ особенно долженъ слѣдить за тѣмъ, дабы „такихъ лжеучителей, и бродягъ, и никакихъ бѣглыхъ въ войскѣ и нигдѣ въ ихъ предѣлахъ не было“ (4).— Тевкелевъ, получивъ это письмо, снесся съ войсковымъ атаманомъ, прося его увѣдомить, на кого бы можно было возложить обязанность наблюдать за раскольниками; войсковой атаманъ указалъ на старшину Андрея Мостовщикова и есауловъ Пономарева и Вострякова (5),

(1) Въ Тург. арх. указы 1753 г., кн. № 26, стр. 49—50. Слич. Пст. Россіи, т. 23, стр. 223. Здѣсь замѣчено, что всѣхъ причинныхъ людей было поймано 484 чел.

(2) Ibid.

(3) Пономаревъ и Харкинъ, какъ подсудимые, были прощены и изъ простыхъ казаковъ произведены въ есаулы; Пономаревъ получилъ, кромѣ того, въ собственность оставшіяся въ Шацкомъ монастырѣ кельи игумена Іоакима и бѣглаго попа Тихона; Тимашевъ же былъ представленъ къ чину. (См. въ Тург. арх. кн. № 26 стр. 54).

(4) Указы 1753 г. стр. 50.

(5) Востряковъ былъ награжденъ за розыскъ раскольниковъ подобно Пономареву.

какъ оказавшихся особенно дѣятельными въ розыскѣ и поимкѣ раскольниковъ. Тевкелевъ, увѣдомляя объ этомъ Неплюева, спрашивалъ его мнѣнія, а 29 апрѣля тогоже года Неплюевъ писалъ изъ Москвы: „я съ мнѣніемъ Вашего Высокоблагородія согласенъ, а затѣмъ въ войскѣ Яицкомъ того *слѣдствія не распространять*; но, какъ возможно, стараться окончить и *маіора* (Артемьева), ежели другихъ обстоятельствъ нѣтъ, оттуда *отозвать*“ (¹). Такимъ образамъ, мы видимъ, что Неплюевъ сильно желалъ покончить розыскъ надъ раскольниками въ предѣлахъ Яицкаго войска, безъ сомнѣнія, будучи хорошо убѣжденъ въ томъ, что сыски и розыски людей, предпочитавшихъ добровольную смерть голодомъ желаніямъ Военной Коллегіи, ни къ чему хорошему не приведутъ; но, къ сожалѣнію, это дѣло зависѣло не отъ одного губернатора, отличавшагося вѣротерпимостью, — впереди его была Военная Коллегія, стремленій которой онъ не могъ игнорировать, если только не желалъ навлечь на себя отвѣтственность предъ правительствомъ. Между тѣмъ, въ началѣ мая тогоже года, Яицкое войско получило изъ Оренбургской губернской канцеляріи указъ, въ которомъ, отъ имени губернатора, высказывается благодарность войсковому атаману за оказанное имъ содѣйствіе въ поимкѣ раскольниковъ; но при этомъ подтверждается, чтобы войско на будущее время никакихъ бѣглыхъ и раскольниковъ не держало и никакого общенія съ ними не имѣло; что съ пойманными, равно какъ и съ ихъ укрывателями, будетъ поступлено по всей строгости законовъ, какъ нарушителями духовныхъ и гражданскихъ постановленій, „ибо“,—говорится дальше въ указѣ,—„ежели бы такому ихъ заблужденія укорененію пристанищемъ и попущеніемъ поводу тамо давано не было; то-бъ отъ нихъ толь не малаго плутовства быть не могло, какъ тому и здѣшнее мѣсто примѣромъ есть: *какъ скоро они въ руки дошли* и стараніе объ

(¹) Указы 1753 г. стр. 58.

нихъ употреблено. то не только прельщеніе кругомъ отпало, но и сами, *что ни пущіе наставники и послѣдователи ихъ, всѣ* почти *къ святой* соборной апостольской *Церкви обратились*". Впрочемъ, въ дѣйствительности успѣхъ былъ не такъ блистателенъ, какъ это представляется въ указѣ: обратившихся было только 40 челов. и тѣ, безъ сомнѣнія, сдѣлали это изъ боязни пытокъ, прочіе же или добровольно уморили себя голодомъ, или предпочли остаться въ каторгѣ; главные расколоучители были препровождены въ духовныя консисторіи и Сыскной Приказъ. Между послѣдними нашлись такіе, которыхъ ни наставленія увѣщателей, ни страшныя пытки Сыскнаго Приказа не могли поколебать въ убѣжденіяхъ; таковыми, напримѣръ, оказались лжестарцы Досиоей, Макарій и Пахомій, пойманные въ Яицкомъ городкѣ и представленные въ Московскую дух. консисторію. Сыскной Приказъ, извѣщая о нихъ войсковаго атамана, замѣчаетъ, что означенные старцы были увѣщеваемы въ Московской духовной консисторіи „съ достаточными отъ священнаго писанія доводы", но увѣщаніе не подѣйствовало; почему „оные старцы и были присланы въ Приказъ, гдѣ объ оставленіи ими помянутой ереси и къ обращенію ихъ къ св. Церкви отъ присутствія *увѣщеваемы были съ угроженіемъ пытокъ; но*, аки закоснѣлые отъ той ереси, *склонности къ обращенію не показали* и остались на предписанномъ суевѣріи" (1).

Изъ показаній этихъ старцевъ, между прочимъ, видно, что раскольники, кромѣ Шацкой слободы, жили при урочищѣ Кошъ-Яикъ (2), на Мергеневой Лукѣ (3), на рѣчкѣ Барбашевой (4) и на нѣкоторыхъ изъ

(1) Ур. в. вѣд. 1870 г., № 15.

(2) Кошъ-Яикъ-островъ, находившійся противъ устья р. Илека (см. «Книга Больш. чертежу», Спб. изд 1838 г., стр. 69), а Кошъ-Яицкій форпостъ былъ расположенъ противъ Индерскихъ горъ, гдѣ и жили раскольники.

(3) Около Мергеневскаго форпоста.

(4) Верстахъ въ 10-ти отъ Уральска.

острововъ по р. Яику. Мы уже знаемъ, что Неплюевъ не разъ высказывалъ желаніе, чтобы розыскъ раскольниковъ на Яикѣ былъ прекращенъ; однакожъ, не смотря на это, преслѣдованіе ихъ въ Яицкомъ войскѣ не прекращалось до 1756 года. Въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ (съ 1753—1756 г.), въ предѣлахъ войска поймано и отправлено въ Оренбургъ еще 165 раскольниковъ и бѣглыхъ обоего пола. На этотъ разъ виновниками въ укрывательствѣ оказались не только казаки, но и нѣкоторые изъ старшинъ. „Хотя", — писалъ Неплюевъ,—они за такіе, въ противность многихъ запретительныхъ указовъ, поступки вящшему штрафу подлежали; но снисходя къ ихъ закоснѣлости и *глубокой старости*, старшинъ — однихъ лишить чиновъ, другихъ отставить отъ службы, иныхъ арестовать и учинить имъ строгій выговоръ въ Кругу, а рядовыхъ наказать плетьми" (1).

Такимъ образомъ, не смотря на увѣщанія въ консисторіяхъ, пытки въ застѣнкѣ Сыскнаго Приказа и энергическіе розыски на Яикѣ, расколъ внутри Яицкаго войска не ослабѣвалъ. Грозные указы, запрещавшіе пріемъ и укрывательство раскольниковъ, не достигали цѣли; самое повтореніе ихъ указываетъ на то, что Яицкое войско не охотно отыскивало бѣглыхъ; оно, видимо, не сочувствовало стремленіямъ и мѣрамъ Военной Коллегіи и сначала уклонялось отъ содѣйствія имъ, подъ разными благовидными предлогами, а потомъ эти уклоненія перешли въ открытое противодѣйствіе, такъ что Неплюевъ, давно уже желавшій прекратить розыски раскольниковъ, наконецъ, былъ вынужденъ положительно остановить ихъ и обратиться въ Военную Коллегію съ просьбой относительно тѣхъ мѣръ, къ которымъ бы онъ могъ прибѣгнуть въ этомъ случаѣ.—Неплюеву приходилось защищать не только гонимыхъ старцевъ и старицъ, но и все Яицкое войско, и не предъ одной Военной Коллегіей, а и предъ

(1) См. доношеніе Неплюева въ В. Коллегію 1756 года.

духовною епархіальною властью. Въ то время, какъ Военная Коллегія разыскивала и преслѣдовала бѣглыхъ и пріютившихся на Яикѣ раскольниковъ, епархіальная власть старалась подѣйствовать на все войско, обвиняя его „въ богомерзкой ереси".

Мы уже знаемъ, какъ поступилъ казанскій епископъ Лука съ присланными отъ войска кандидатами на священство; но казанскій архіерей тогда еще не зналъ, какъ велико было число раскольниковъ на Яикѣ, что же долженъ былъ сказать онъ, когда въ 1753 г., послѣ розыска, произведеннаго на Яикѣ маіоромъ Артемьевымъ, нѣсколько раскольниковъ было прислано въ Казанскую духовную консисторію, которые обнаружили дѣло въ его настоящемъ видѣ? Епископъ Лука, какъ видно, рѣшился принять противъ распространенія раскола на Яикѣ энергическія мѣры. Изъ его переписки съ Неплюевымъ видно, что онъ хотѣлъ основать на Яикѣ особое духовное правленіе. „Понеже его Преосвященство",—говорилось въ промеморіи Казанской духовной консисторіи,—нынѣ чрезъ присылку изъ Оренбургской духовной консисторіи пойманныхъ въ Яицкомъ городкѣ раскольниковъ извѣстился, что многіе изъ оныхъ Яицкихъ казаковъ тайныя и явныя чинятъ Церкви святой противности и законопротивныя и христіанству вредныя и весьма соблазнительныя дѣйства, и содержатъ раскольническихъ лжеучителей, въ своемъ душепагубномъ развратѣ сокровенныхъ, отъ нихъ же нѣкіе, враждуя на св. Церковь, отходя въ лѣсные ихъ раскольническіе скиты, якобы нѣкіимъ муромъ перемазываются и съ женами своими перевѣнчиваются и другія многія, въ хульность православнымъ святымъ таинствамъ и догматамъ, содѣваютъ безчинства; и того ради его Преосвященство, наблюдая по своей пастырской должности, въ прекращеніе таковыхъ, происходящихъ въ томъ Яицкомъ городкѣ, богопротивныхъ и душепагубныхъ раскольническихъ дѣйствъ, *напьренъ*

учредить въ самомъ томъ *Яицкомъ городкѣ* особливое *Духовное Правленіе*“ (1).

Лука Канашевичъ предполагалъ послать въ Яицкій городокъ особаго ученаго протопопа, который долженъ былъ завѣдывать духовными дѣлами, а для производства письменной части опредѣлить къ нему одного канцеляриста и одного копіиста, съ опредѣленнымъ жалованьемъ каждому, равно какъ и самому протопопу; кромѣ того, протопопъ долженъ былъ получить въ свое распоряженіе нѣсколько отставныхъ солдатъ, для присмотровъ и розысковъ, также на жалованьѣ; сумму денегъ, какая должна была идти на протопопа и его служащихъ, епископъ Лука думалъ разложить на Яицкихъ казаковъ; прежнихъ священниковъ изъ природныхъ казаковъ или изъ пришлыхъ, рукоположенныхъ по желанію войска, казанскій архипастырь желалъ замѣнить учеными изъ Казани, „дабы въ заблужденіяхъ они могли преподать должное наставленіе“.

Спрашивая объ этомъ мнѣнія Неплюева, Лука распорядился, чтобы Яицкое войско, до приведенія задуманнаго имъ плана въ исполненіе, состояло въ вѣдѣніи Оренбургскаго Духовнаго правленія, а Оренбургскому протопопу Василію Иванову предписалъ немедленно отправиться въ Яицкій городъ и, въ силу Высочайшаго указа отъ 4 февр. 1734 года, „учинить жителямъ того городка поприходно перепись съ именнымъ въ каждомъ дворѣ жительствующимъ мужеска и женска пола, даже до сущаго младенца, описаніемъ, и объявить всѣмъ онымъ того Яицкаго городка жителямъ, чтобы въ слѣдующіе дни нынѣшнія святыя Четыредесятницы къ исповѣди церковной и къ пріобщенію Христовыхъ Таинъ пріуготовлялись, не отлучаясь ни за какими партикулярными нуждами, а кто изъ нихъ имѣетъ куда отлучиться; то таковыхъ, прежде исповѣдавъ и пріобщивъ, внести въ реэстръ, и то-

(1) См Ур. в. вѣд. за 1870 г., № 19-й.

го ради, при начатіи первой седмицы святаго поста, приказать, дабы всѣ старшины и казаки съ женами и дѣтьми въ церкви святыя къ утренямъ, часамъ и къ прочимъ службамъ церковнымъ непремѣнное хожденіе имѣли, и кто изъ нихъ ходитъ и кто ходить не будетъ, тѣмъ ему протопопу имѣть особливыя записи, раздѣля по седмицамъ, поприходно, ихъ какъ ему протопопу, такъ и тамошнимъ священникамъ исповѣдать и св. Таинъ причастить, и о всѣхъ бывшихъ и небывшихъ составить должнымъ порядкомъ росписи, прислав съ нарочнымъ въ Казань". (1). Протопопъ обязывался изготовить росписи въ двухъ экземплярахъ: одинъ, за подписомъ своимъ и приходскихъ священниковъ, представить къ архіерею. а другой въ Оренбургское дух. правленіе. Неплюевъ. какъ и раньше. не рѣшился въ этомъ случаѣ дѣйствовать самостоятельно, а потому обратился съ просьбой въ Военную Коллегію, чтобы Оренбургская губернская канцелярія и войсковой Яицкій атаманъ были снабжены на этотъ счетъ указами (2). Военная Коллегія въ отвѣтъ на это предписала Неплюеву: „по возвращеніи атамана изъ Москвы, спросить его мнѣнія и, разсмотрѣвъ оное, учинить должное исполненіе".

Между тѣмъ, епископъ Лука, 17 февр. 1754 г., писалъ Неплюеву, что всѣхъ жителей Яицкаго городка, въ предстоящій же Великій постъ, слѣдуетъ *принудить къ исповѣди и причастію* св. Таинъ, для чего изъ Оренбурга и долженъ немедленно отправиться протопопъ, а чтобы предохранить его отъ могущихъ встрѣтиться непріятностей, епископъ Лука просилъ Неплюева отправить съ протопопомъ въ Яицкій городокъ команду, подъ начальствомъ особаго офицера. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Лука замѣчаетъ, что полезно бы было учредить въ Яицкомъ городкѣ школу, о чемъ Неплюевъ

(1) См. Ibid.

(2) См. доношеніе Оренб. губернской канцеляріи въ В. Коллегію отъ 17 февр. 1754 г. Слич. Ур. в. вѣд. 1870 г. № 19.

думалъ еще раньше (1); учителемъ этой школы, по мнѣнію архіерея, могъ быть священникъ изъ казанскихъ ученыхъ или хотя бы дьяконъ. Неплюевъ вполнѣ поддерживалъ мысль о назначеніи въ Яицкій городокъ постояннаго протопопа; посылать же Оренбургскаго протопопа, а тѣмъ болѣе команду съ офицеромъ, онъ находилъ излишнимъ. Что же касается духовной переписи, то Неплюевъ совѣтовалъ поручить произвести ее мѣстнымъ священникамъ и только, въ случаѣ ослушанія казаковъ, соглашался на болѣе строгія мѣры. Преосвященный Лука отвѣчалъ, что „войсковой атаманъ и старшины, при бывшемъ розыскѣ о раскольникахъ, оказались въ наибольшемъ подозрительствѣ, и поэтому отъ нихъ подлежащему исполненію того порядка, если принужденія имъ отъ Канцеляріи не будетъ, весьма быть нечаятельно"; притомъ же Яицкіе священники не исполняютъ данныхъ имъ на этотъ счетъ предписаній; что „у нихъ писцовъ не имѣется, а отъ Станичной Войсковой избы писарей не даютъ, *сами же писать мало умѣютъ*" (2).

Поэтому казанскій епископъ настаиваетъ на томъ, чтобы изъ Оренбурга непремѣнно былъ отправленъ въ Яицкій городокъ назначенный имъ протопопъ, присовокупляя, что онъ снабженъ уже отъ него и инструкціей, какъ производить перепись жителей этого городка. Въ заключеніе своего письма, Лука просилъ Неплюева дать протопопу подорожную и подводы до Яицкаго городка, „если же того учинить будетъ невозможно", — замѣчаетъ преосвященный, —„то хотя отъ крѣпости до крѣпости на церковническихъ подводахъ его отправить". Неплюевъ на этотъ разъ рѣшился уступить желанію ревнителя православія и 10 марта писалъ казанскому архипастырю: „отцу протопопу препятствія

(1) Мысль о школѣ въ войскѣ возникла у Неплюева, въ бытность его, въ 1748 г., въ Яицкомъ городкѣ. См. § 12-й его проэкта о преобразованіи Яицкаго войска.

(2) Ур. в. вѣд. 1870 г., № 32.

никакого не показано; но еще онъ подорожной безъ прогонъ снабженъ". При этомъ Неплюевъ замѣчаетъ, что хотя и есть указы, опредѣляющіе мѣру относительно небывающихъ у исповѣди и св. причастія; но что *здѣсь дѣло касается не одного и не двухъ человѣкъ, а цѣлаго общества.*

Между тѣмъ, Яицкое войско, нежаловавшее вообще никакихъ переписей, постаралось и на этотъ разъ отклонить задуманное Лукою дѣло, — собравшись въ Кругъ, казаки рѣшили: „отправить къ преосвященному казанскому есаула Уфимцева и казака Михаила Севрюгина, и съ ними послать для поклона 400 рублей, и просить его Преосвященство, не укажетъ ли онъ по прежнему обыкновенію безъ переписи мужеска и женска пола жить, и о небытіи здѣсь Духовной канцеляріи (Правленія) и о небраніи повѣнечныхъ денегъ" (1) и проч. Лука не принялъ 400 р войсковыхъ денегъ и просьбы Яицкихъ казаковъ не уважилъ.

Настаивая на выполненіи предложенныхъ имъ мѣръ къ искорененію раскола въ Яицкомъ войскѣ, Лука былъ убѣжденъ, что мѣры эти легко и удобно исполнимы и, видимо, былъ недоволенъ осторожностью губернатора; но Неплюевъ, безъ сомнѣнія, лучше зналъ войско и не безъ основанія опасался дурныхъ послѣдствій отъ приведенія въ дѣло крутыхъ и рѣшительныхъ мѣръ казанскаго архипастыря. Не желая подвергать себя отвѣтственности предъ правительствомъ, онъ, какъ и раньше, отнесся въ Военную Коллегію, прося снабдить его на этотъ счетъ указами, при чемъ представилъ точныя копіи съ писемъ къ нему епископа Луки и съ своихъ къ нему отвѣтовъ, Въ своемъ доношеніи въ Военную Коллегію, отъ 10 марта 1754 г., Неплюевъ, между прочимъ, писалъ: „понеже то дѣло не партикулярное до одного или до двухъ; но до всего общества касается, то Оренбургская губернская канцелярія паки проситъ и имѣетъ на то ожидать отъ

(1) Постановленіе Войсковой канцелярія на 27-е марта 1754 г.

Государственной Военной Коллегіи опредѣленія, ибо онымъ преосвященнымъ предположенное средствіе съ легкими способы дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ не принято, а каковыхъ онъ требуетъ; то безъ указу собою учинить опасно, дабы въ такомъ невѣжественномъ и закоснѣломъ народѣ конфузіи не учинить: причины не подать къ побѣгу, или къ таковому отчаянію, какъ въ недавнихъ годѣхъ въ Исецкой провинціи случилось, *что сами себя жгли*“ (1).

Между тѣмъ, Неплюевъ въ ожиданіи отвѣта Военной Коллегіи, вызвалъ къ себѣ войсковаго атамана Меркурьева для личныхъ переговоровъ и, послѣ словеснаго объясненія съ нимъ по этому дѣлу, представилъ ему экстрактъ изъ своей переписки съ казанскимъ архипастыремъ, требуя, чтобы атаманъ сообщилъ, какія, по его мнѣнію, нужны мѣры, чтобы достигнуть желаемыхъ результатовъ. Меркурьевъ, не спросивъ объ этомъ войска, заявилъ, что, по его мнѣнію, дѣйствительно хорошо бы было имѣть въ Яицкомъ городкѣ одного ученаго протопопа, какъ предлагалъ Лука, и при немъ одного писца, въ караулъ же могутъ быть назначены казаки изъ отставныхъ, а чтобы искоренить или, по крайней мѣрѣ, ослабить расколъ въ войскѣ, необходимо дѣйствовать проповѣдію и наставленіемъ. Вопросъ о размѣрѣ жалованья протопопу и вновь назначаемымъ священникамъ Меркурьевъ предоставилъ на благоусмотрѣніе самого губернатора, а „какимъ быть священникамъ въ Яицкомъ городкѣ, изъ тамошнихъ или изъ постороннихъ, это,—замѣтилъ Меркурьевъ,—зависитъ болѣе отъ его Преосвященства“. При этомъ Яицкій атаманъ сообщилъ губернатору, что въ войскѣ въ это время были четыре священника и протопопъ, которые получали отъ войска особое жалованье: протопопъ 15 р., а священники по 10 рублей — каждый и что, сверхъ того, они имѣютъ право участвовать въ рыболовствахъ, пользу-

(1) См. Ур. в. вѣд. 1870 г., № 32.

ются мірскими доходами; что „священники, по присланнымъ отъ его преосвященства указамъ, какъ о родившихся, такъ и о бракосочетавшихся, умирающихъ, исповѣдывающихся и причащающихся и о прочемъ *перечневыя вѣдомости сочиняютъ и о всемъ чинятъ исполненіе*“ (1).

Неплюевъ немедленно сообщилъ это мнѣніе войсковаго атамана казанскому архипастырю, представивъ при этомъ и самый рапортъ къ нему Меркурьева. „Изъ онаго рапорта“,—писалъ Неплюевъ, — „изволите усмотрѣть, что помянутый войсковой атаманъ самъ за весьма потребное признаетъ, чтобы быть у нихъ ученому протопопу, а о священникахъ предаетъ на разсмотрѣніе Вашего Преосвященства; при духовныхъ же дѣлахъ имѣться на первый случай одному канцеляристу или копіисту, къ содержанію же карауловъ и для разсылокъ употреблять изъ отставныхъ казаковъ, сколько потребно будетъ, что̀ все и по моему мнѣнію, въ разсужденіи тамошняго народнаго состоянія, на нынѣшній первый случай кажется не несходно, ибо по тамошней замерзѣлости, о которой Ваше Преосвященство сами не безъизвѣстны, всего вдругъ превратить не удобно и едвалъ возможно, а по мнѣ полезнѣе и надежнѣе легкими средствы отъ времени до времени и одно за другимъ поправляя, все въ надлежащій порядокъ привести, какъ то я и напередъ сего Вашему Преосвященству имѣлъ честь съ моимъ должнѣйшимъ почтеніемъ представить“ (2).

Соглашаясь съ мнѣніемъ атамана Меркурьева, Неплюевъ, между прочимъ, замѣчаетъ, что хотя денежное жалованье, получаемое протопопомъ и священниками, не значительно; но, участвуя въ рыболовствахъ и пользуясь церковными доходами, они, какъ онъ самъ въ этомъ убѣдился, въ бытность въ Яицкомъ городкѣ, могутъ жить безбѣдно, такъ какъ въ Яицкомъ город-

(1) См. ibid.

(2) Письмо Неплюева отъ 24 сентяб. 1754 года.

кѣ однихъ жалованныхъ (1) казаковъ 4000 челов., „да отставныхъ и пріѣзжихъ также не малое число наберется“. — Въ случаѣ назначенія протопопа и священниковъ изъ ученыхъ, Неплюевъ полагалъ назначить протопопу 100 руб., а священникамъ — каждому по 36 р. (2) съ условіемъ, чтобы за требы они, кромѣ добровольныхъ приношеній, ничего не брали. Казанскій архипастырь, получивъ рапортъ Меркурьева и письмо Неплюева, въ принципѣ хотя и соглашался съ губернаторомъ; но съ нѣкоторыми ограниченіями: жалованье, предположенное Неплюевымъ протопопу, онъ считалъ достаточнымъ въ томъ только случаѣ, если протопопъ, кромѣ того, будетъ получать хлѣбомъ и рыбой, жалованье же священниковъ Лука считалъ необходимымъ уравнять съ жалованьемъ служащихъ при Ставропольскомъ соборѣ (3), т. е. вмѣсто 36 р., назначенныхъ Неплюевымъ, увеличить до 75 р. Что же касается до караула изъ отставныхъ казаковъ, то Лука соглашался на это подъ тѣмъ только условіемъ, если они будутъ подчинены вѣдомству духовной консисторіи, а не войсковой канцеляріи, которая бы ихъ не смѣла мѣнять по своему желанію, не спросивъ предварительно мнѣнія духовной консисторіи. Въ заключеніе своего письма, Лука просилъ Неплюева, чтобы, для окончательнаго рѣшенія вопроса о содержаніи священниковъ изъ ученыхъ, были присланы къ нему отъ войска человѣка два старшинъ, дабы съ ними „надлежащее опредѣленіе о томъ учинить“; съ ними же казанскій архипастырь предполагалъ отправить въ Яицкое войско и избраннаго протопопа изъ ученыхъ. Не-

(1) Состоявшихъ на жалованьи.

(2) Впослѣдствіи, по указу 15 дек. 1765 г., жалованья полагалось: протопопу 60 р., священникамъ по 30 р., дьяконамъ по 25 р., псаломщику и попомарю по 10 р., звонарямъ и сторожамъ по 8 р. да 100 р. въ годъ на ремонтъ храма.

(3) Т. е. при соборѣ г. Ставрополя, бывшаго резиденціею крещеныхъ калмыкъ и находящагося теперь въ Самарской губерніи, верстахъ въ 60 отъ Самары, вверхъ по Волгѣ, на луговомъ берегу ея.

плюевъ, 20 окт. того же (1754) года, отвѣчалъ, что „хотя имъ (Лукою) въ жалованьѣ священникамъ и прочемъ и сдѣлана, по его благоусмотрѣнію, прибавка; но что онъ (Неплюевъ) на все то согласенъ и что указъ по этому поводу къ Яицкому войску уже посланъ, которымъ опредѣлено, чтобы они избрали изъ среды себя и отправили двухъ старшинъ для принятія въ томъ отъ него опредѣленія и наставленія“ (1).

Между тѣмъ, когда дѣло было уже къ концу, оказалось, что атаманъ Меркурьевъ поступилъ слишкомъ самонадѣянно, не спросивъ мнѣнія войска относительно такого важнаго вопроса; нельзя при этомъ отнестись сочувственно и къ довѣрчивости всегда осторожнаго Неплюева, которому, безъ сомнѣнія, хорошо было извѣстно, что дѣло касается, „не одного, не двухъ человѣкъ“, какъ онъ самъ доносилъ предъ тѣмъ Военной Коллегіи, — „а цѣлаго войска“; слѣдовательно обсужденіе и рѣшеніе этого вопроса должно было принадлежать всему войску, а не одному человѣку,—словомъ, основываться въ этомъ случаѣ на мнѣніи одного Меркурьева, хотя бы и войсковаго атамана, не слѣдовало. Какъ бы то ни было, только Яицкое войско, получивъ указъ Оренбургской губернской канцеляріи о приведеніи въ исполненіе предположенныхъ Меркурьевымъ мѣръ, не только не пожелало отправить въ Казань старшинъ; но открыто и энергично заявило, что оно вовсе не желаетъ принимать ни ученаго протопопа изъ Казани, ни ученыхъ казанскихъ священниковъ, ссылаясь на то, что въ Яицкомъ городкѣ, при соборной церкви, протопопъ имѣется, что и при прочихъ церквахъ есть священники, которыми войско довольно и которые исполняютъ все предписанное; что въ присылкѣ другихъ войско нужды не видитъ, кромѣ излишняго отягощенія. Казаки собрались въ Кругъ и положили отправить въ Военную Коллегію прошеніе.

(1) Ibid.

Меркурьевъ, опасаясь дурныхъ послѣдствій, просилъ Неплюева написать казанскому епископу, чтобы тотъ удержался отъ присылки ученаго протопопа и священниковъ, „дабы тѣмъ не придать большее смятеніе и не учинить конфузіи“ (1). Меркурьевъ предлагалъ уладить дѣло такимъ образомъ: такъ какъ яицкій протопопъ Діонисовъ былъ уже старъ; то, въ случаѣ его смерти, когда мѣсто протопопа будетъ праздно, преосвященный можетъ безпрепятственно прислать на его мѣсто новаго, по своему выбору. Неплюевъ немедленно сообщилъ Лукѣ о рѣшительномъ нежеланіи войска принять новаго протопопа и священниковъ изъ казанскихъ ученыхъ, замѣтивъ при этомъ, что причины этого можетъ объяснить ему само войско. Вообще изъ дѣла видно, что Неплюевъ очень былъ недоволенъ тѣмъ, что въ то время, какъ онъ принималъ съ своей стороны всѣ, зависѣвшія отъ него, мѣры къ выполненію плановъ казанскаго архіерея, послѣдній, вопреки своему желанію, посвящалъ въ Яицкій городокъ протопопа и священниковъ изъ казаковъ и въ то же время самъ былъ недоволенъ ими и старался замѣнить ихъ другими,—словомъ, епископъ казанскій говорилъ и писалъ одно, а дѣлалъ другое. Получивъ послѣднее письмо Неплюева, Лука счелъ нужнымъ объяснить оренбургскому губернатору, что находящіеся въ Яицкомъ городкѣ протопопъ и священники *опредѣлены по необходимости;* что они дѣла своего не исправляютъ и что протопопъ имъ уже отрѣшенъ и будетъ вызванъ въ Казань. Неплюевъ лаконически отвѣчалъ, что въ Казань, какъ увѣдомилъ его войсковой атаманъ, отправлены войскомъ два сотника для личныхъ переговоровъ съ преосвященнымъ, и что ему остается только ждать, чѣмъ кончится это объясненіе. Лука, получивъ это письмо, немедленно увѣдомилъ Неплюева, что никакихъ сотниковъ изъ Яицкаго войска въ Казань не являлось. Неплюевъ ста-

(1) См. письмо Меркурьева къ Неплюеву, отъ 1 ноября 1754 г.

рался увѣрить архипастыря, что сотники дѣйствительно отправились, но, вѣроятно, находятся еще въ пути,—и что онъ будетъ ждать увѣдомленія, какъ и чѣмъ кончитъ съ ними преосвященный. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Неплюевъ предлагалъ Лукѣ слѣдующій планъ дѣйствій, по отношенію къ Яицкому войску: отрѣшеннаго и вызваннаго въ Казань протопопа Неплюевъ совѣтовалъ не отпускать на Яикъ, а вмѣсто него опредѣлить другаго, равно и священниковъ, по случаю, „пристойнымъ образомъ одного за другимъ, хотя черезъ годъ или черезъ два, по разнымъ винамъ выводить и на мѣста ихъ изъ казаковъ не посвящать, а присылать изъ ученыхъ, вслѣдствіе чего, если Яицкіе казаки не окажутся ослушниками, чего (замѣчаетъ Неплюевъ) нельзя ожидать, они, не имѣя священниковъ, волей-неволей должны будутъ принять назначенныхъ его преосвященствомъ. При этомъ губернаторъ проситъ архіерея, чтобы онъ строго подтверждалъ поставляемымъ священникамъ *за требы ничего не вымогать* и „чтобы въ должности своей и людямъ *страха не употребляли*, но проповѣдію по искусству своему ихъ вразумлять и въ познаніе истины приводить старались, какъ въ томъ и званіе ихъ состоитъ“ (1). Казанскій архипастырь, вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ Неплюева, увѣдомилъ его, что къ нему являлся сотникъ Голубовъ отъ всего Яицкаго войска, чтобы „все то до времени отмѣнить и оставить, какъ ихъ желаніе есть“; на что преосвященный отвѣтилъ, „что если они въ упрямствѣ продолжать себя будутъ; то можетъ воспослѣдовать самимъ имъ безславіе и неполезныя обстоятельства“. Провѣдавъ, что Яицкое духовенство совершаетъ службу по старопечатнымъ книгамъ, Лука предложилъ ему слѣдующіе 6 вопросныхъ пунктовъ:

1) „Въ оном городкѣ (Яицкомъ), въ церкви Св. Богородицы Казанскія да въ часовнѣ св. апостоловъ

---

(1) См. Ур. в. вѣд. 1870 г. № 33.

Петра и Павла служба отправляется по какимъ книгамъ, по старопечатнымъ или по новоисправленнымъ"?

2) „Въ Символѣ вѣры, во время чтенія въ церквахъ: „и въ Духа Святаго Господа..." прибавленіе читается ли"?

3) „На утренѣ, въ шестопсалміи и въ каѳизьмахъ по „слáвамъ", на часѣхъ и на вечеріи *„аллилуіа"* по дважды или по трижды читается"?

4) „Въ „Честнѣйшую Херувимъ", вмѣсто „безъ сравненія", вмѣстительная рѣчь *„воистину"* употребляется-ль"?

5) „Сложеніе креста какъ онъ протопопъ, такъ и прочіе священники, обрѣтающіеся при церквахъ въ оном̀ городкѣ, и церковные причетники какъ изображаютъ: двуперстное или трехперстное"?

6) „Служба Божественной литургіи въ воскресные и праздничные дни въ церквахъ совершается ли"?

На всѣ эти запросы духовенство Яицкаго городка отвѣтило такъ:

„Въ церквахъ Пресвятыя Богородицы и часовнѣ апостоловъ Петра и Павла службы отправляются *по старопечатнымъ книгамъ*, которыя, какъ книги, такъ и прочая церковная утварь,—войску Яицкому жалованы отъ прежде бывшихъ государей, отъ великаго Государя, царя и князя Алексѣя Михайловича, и тако оныя съ того времени до нынѣ въ церквахъ имѣются".

2) „Въ Символѣ вѣры, во время чтенія по тѣмъ старопечатнымъ книгамъ, прибавляется слово *„Истиннаго"* (1).

3) „Въ сказанныхъ мѣстахъ „аллилуіа" читается *по дважды"*.

4) „Въ „Честнѣйшую Херувимъ" вмѣстительная рѣчь *„воистину" употребляется"*.

---

(1) Въ 8-мъ членѣ: «и въ Духа Святаго Господа *Истиннаго*».

5) „Сложеніе креста какъ я нижайшій (протопопъ), такъ и прочіе священники — всѣ изображаютъ трехперстное, *а не двуперстное*".

6) „Служба Божественной литургіи во всѣхъ церквахъ не только въ воскресные и праздничные дни, но и въ рядовые дни совершается, кромѣ того, когда развѣ не достанетъ вина, или за какою священническою *богословскою виною*" (1).

Такимъ образомъ, „протопопъ и священники сами себя въ томъ противномъ Церкви мудрованіи изобличили и порочными признались", какъ писалъ о томъ преосвященный губернатору. Кромѣ того, Лука вмѣнилъ въ вину Яицкому духовенству и то, что въ представленныхъ имъ духовныхъ росписяхъ почти всѣ казаки показаны небывшими у св. причастія; но священники *стараются оправдать ихъ* подъ разными благовидными и уважительными предлогами.

Все это давало преосвященному возможность замѣнить протопопа и священниковъ, опредѣленныхъ на мѣста, какъ онъ объяснилъ Неплюеву, *„по необходимости"* — новыми священно-церковно-служителями; но привелъ ли въ исполненіе свои намѣренія казанскій архипастырь, намъ неизвѣстно.

На основаніи нѣкоторыхъ данныхъ, мы думаемъ, что если Лукѣ и удалось назначить кого-либо изъ казанскихъ ученыхъ священниковъ въ Яицкій городокъ; то они не могли удержаться въ той общинѣ, которая всегда старалась выдѣлять духовныхъ лицъ изъ своей же среды, какъ и гражданскихъ чиновниковъ, и ревниво охраняла ихъ права и привиллегіи, если только онѣ были солидарны съ общественными стремленіями и интересами войска; въ противномъ случаѣ, община сама низводила ихъ въ разрядъ обыкновенныхъ людей, поглощая въ себѣ же.

---

(1) Отвѣты Яицкаго духовенства подписаны протопопомъ, 4-мя священниками и 3-мя дьяконами.

Такимъ образомъ, принудительныя мѣры со стороны епархіальной власти, гоненія и преслѣдованія Военной Коллегіи, направленныя противъ раскольниковъ, не только не достигали цѣли; но еще болѣе способствовали росту и укрѣпленію раскола на Яикѣ: онѣ еще болѣе сплотили войско, сблизили его съ „гонимыми за вѣру“ и поставили въ оппозиціонное отношеніе къ духовенству. Неплюевъ хорошо понималъ непоколебимую вѣру въ старину и стойкость въ убѣжденіяхъ преслѣдуемыхъ раскольниковъ; но не могъ идти открыто противъ распоряженій Военной Коллегіи. Впрочемъ, къ чести его, надобно сознаться, что онъ дѣйствовалъ здѣсь вполнѣ благоразумно, вѣротерпимо и осторожно, не смотря на религіозный фанатизмъ казанскаго архипастыря и строгія мѣры Военной Коллегіи. Испрашивая совѣтовъ и указаній у Военной Коллегіи, какъ поступать съ раскольниками, онъ, какъ мы видѣли, не боялся высказывать и своихъ мнѣній, которыя иногда противорѣчили планамъ Военной Коллегіи и стремленіямъ епархіальной власти: онъ совѣтовалъ, напр., оставить бѣглыхъ на избранныхъ ими новыхъ мѣстахъ, именно „въ корпусѣ Яицкаго войска, который что люднѐе, то лучше“, замѣчалъ Неплюевъ; относительно крутыхъ мѣръ казанскаго архипастыря Неплюевъ высказался, что онъ, безъ особаго указа Военной Коллегіи, не можетъ принять ихъ, опасаясь новыхъ побѣговъ и самосожженія раскольниковъ, какъ „въ недавнихъ годѣхъ въ Исецкой провинціи случилось, что сами себя жгли“ (1). Намъ уже извѣстно, что дѣдъ Неплюева по матери (2), Петръ Петровичъ, князь Мышецкій, былъ самый ярый приверженецъ старины и, когда его хотѣли арестовать, онъ нисколько не поколебался добровольно сжечь себя на кострѣ съ сотней другихъ рас-

(1) См. Ур. в. вѣд. 1870 г. № 32-й.

(2) Мать Неплюева, Марѳа Петровна, была изъ рода князей Мышецкихъ.

кольниковъ, изъявившихъ на то желаніе. Понятно, что Неплюевъ не могъ не знать о томъ отъ своей матери; слѣдовательно онъ еще раньше имѣлъ достаточныя основанія опасаться подобнаго самосожженія раскольниковъ и питать къ этому кровное отвращеніе. Но изъ всего этого не слѣдуетъ заключать, чтобы Неплюевъ былъ совершенно равнодушенъ къ расколу и его антиправославнымъ традиціямъ. Замѣчая въ Яицкомъ войскѣ невѣжество и зараженіе расколомъ, онъ старался дѣйствовать на массу чрезъ лучшихъ людей изъ среды самихъ же казаковъ, рекомендуя предъ правительствомъ болѣе честныхъ и добросовѣстныхъ изъ нихъ, для занятія высшихъ и вліятельныхъ должностей въ войскѣ. Такъ, когда, напр., умеръ войсковой атаманъ Илья Меркурьевъ (1), Неплюевъ, указывая на войсковаго старшину Андрея Бородина, замѣчаетъ, что если бы даже войско и отказалось избрать его, Бородина, въ атаманы; то все-таки, по его мнѣнію, „во всемъ томъ войскѣ лучше Бородина (2), а за нимъ старшины Андрея Миронова и писаря Суетина нѣтъ; хотя и *они придерживаются раскольническому ученію, однакожъ они смышленые и подобострастные всѣхъ и люди честные*, а потому-то, только при помощи ихъ, можно руководить войскомъ и время отъ времени приводить его въ благочестіе, а инаково они народъ сумасбродный и къ шалостямъ и вольностямъ склонный, *а особливо въ раскольническомъ плутовствѣ зараженный*, такъ и для руководства своего ради себѣ подобнаго выбрать, который бы, кромѣ потворства ихъ, ничего не смыслилъ, какъ то имъ и нынѣ знатно, ласкаясь надеждою на нихъ о томъ вы-

(1) Меркурьевъ умеръ 5 янв. 1755 г. См. Указъ В. Коллегіи отъ 24 ноября 1749 г. и рапортъ Неплюева въ В. Коллегію, отъ 12 янв. 1755 г.

(2) Къ сожалѣнію, Бородинъ увлекся властію и не оправдалъ мнѣнія о немъ Неплюева въ глазахъ Яицкаго войска, хотя В. Коллегія всегда была имъ довольна.

борѣ, войсковой старшина Митрясовъ, яко также мужикъ сумасбродный и невѣжа безграмотный, больше всѣхъ въ томъ раскольничествѣ угождаетъ, чего для и въ С.-Петербургъ сына своего съ товарищи челобитчикомъ отъ нихъ посылаетъ, а тако ежели-бъ таковаго въ атаманы выпросить имъ удалось; то оное войско не только въ лучшее состояніе не можно будетъ привесть, но со временемъ и въ подобное тому легкомысліе можетъ дойтить, какъ у нихъ во время полковника Захарова было" (1).—Вообще, нужно замѣтить, что Неплюевъ, живя вблизи Яицкаго войска и имѣя постоянныя сношенія съ нимъ, какъ ближайшій и главный начальникъ его, безъ сомнѣнія, гораздо лучше и вѣрнѣе понималъ строй и духъ общественной жизни на Яикѣ, чѣмъ казанскій архипастырь и Военная Коллегія, а потому и дѣйствовалъ осторожнѣе и благоразумнѣе въ дѣлѣ ослабленія раскола въ Яицкомъ войскѣ. Будь на мѣстѣ Неплюева такой же ревнитель православія, какъ казанскій епископъ Лука, казаки не удержались бы отъ бунта и если его не было; то благодаря только опытности и сдержанности, вѣротерпимости и осторожности Неплюева, который, наконецъ, настоялъ на томъ, чтобы преслѣдованіе раскольниковъ на Яикѣ было прекращено. Военная Коллегія, во многомъ раздѣляя мнѣніе Неплюева, тѣмъ охотнѣе согласилась пріостановить гоненія и розыски раскольниковъ на Яикѣ, что ей предстояла теперь другая важная забота: на Западѣ начиналась семилѣтняя война, а въ Оренбургской губерніи въ маѣ 1755 г. вспыхнулъ башкирскій бунтъ, подъ руководствомъ муллы Батырши Алѣева, отличавшагося фанатическою ненавистію противъ русскихъ властей.

Съ 1756 года розыски пріютившихся на Яикѣ раскольниковъ прекращаются; но, не смотря на это,

(1) См. рапортъ Неплюева въ В. Коллегію отъ 18 марта 1755 г. Въ мартѣ 1753 г. Бородинъ былъ избранъ въ наказные атаманы, а въ іюлѣ того же года утвержденъ въ должности войскового атамана.

старовѣры изъ казаковъ, представляя себѣ съ понятіемъ старины свободу, вольности и вообще золотой вѣкъ казачества, до того сдѣлались подозрительными и недовѣрчивыми, что вездѣ и во всемъ были склонны видѣть посягательство на свои права и убѣжденія.

Среди Яицкихъ казаковъ расколъ, какъ мы видѣли, является, по преимуществу, протестомъ противъ реформъ гражданскихъ, которыя они всегда ставили въ связь съ реформами религіозно-церковными. Тенденціи раскола, какъ секты народногражданской, вполнѣ соотвѣтствовали умственному настроенію Яицкихъ казаковъ, почему они почти всѣ сдѣлались ревностными приверженцами раскола.

Отсюда вытекаетъ и то устойчивое недовѣріе и противодѣйствіе, съ какими казаки относились и относятся къ каждому нововведенію, ко всякой новой реформѣ (1). Неплюевъ, безъ сомнѣнія, хорошо понималъ общественный строй и духъ Яицкаго войска, и потому въ своихъ реформахъ, направленныхъ къ преобразованію войска, боялся задѣвать религіозныя его убѣжденія, а тѣмъ болѣе насиловать ихъ. Отстаивая интересы Яицкихъ казаковъ, онъ старался поставить на видъ и выяснить то важное значеніе, которое принадлежало Яицкому войску въ борьбѣ Россіи съ ея внѣшними и внутренними врагами. Представляя въ Военную Коллегію мнѣніе объ оставленіи пришлыхъ на Яикѣ „въ корпусѣ того войска“, Неплюевъ, между прочимъ, замѣчаетъ: „Государственной Военной Коллегіи не безъизвѣстно, *какой важный военный корпусъ* есть помянутое *Яицкое войско* не только для здѣшней безопасности отъ степныхъ кочующихъ народовъ, но и *для государственныхъ пользъ*, и какая немалая потребность всегда того наблюдать, дабы оный въ добромъ состояніи содержать, *который что людные, то лучше*“, и проч.

(1) См. Ур. вѣд. 1870 г. № 12-й.

Вотъ почему почтенный начальникъ края, отстаивая права и привиллегіи войска предъ Военной Коллегіей, всѣми мѣрами старался о томъ, чтобы вводя различныя преобразованія и улучшенія въ войскѣ, не вооружить его противъ себя и правительства, и чрезъ то не разрушить своихъ плановъ относительно переустройства войска въ административномъ, стратегическомъ и экономическомъ отношеніяхъ. Не любя въ душѣ раскола, какъ проявленія невѣжества, Неплюевъ все-таки цѣнилъ и уважалъ раскольниковъ, если они были люди честные и хорошей нравственности, потому-то онъ и не могъ отнестись сочувственно къ фанатическому преслѣдованію ихъ со стороны казанскаго архипастыря и Военной Коллегіи. Предлагая дѣйствовать на раскольниковъ проповѣдію, увѣщаніями и школами, онъ былъ противъ всякаго насилія и крутыхъ мѣръ въ отношеніи старообрядцевъ. Мы видѣли также, что и казанскій епископъ Лука Канашевичъ, какъ ревнитель духовнаго просвѣщенія, заботился о томъ, чтобы въ Яицкомъ городкѣ были открыты школы, и чтобы пастыри были люди ученые, такъ какъ, по его убѣжденію, люди безъ богословскаго образованія не могли имѣть достаточнаго совершенства въ своемъ ученіи и были бы не въ состояніи „преподать слово Божіе съ надлежащимъ успѣхомъ“ (1). Не отрицая того, что Лука Канашевичъ былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ пастырей русской Церкви въ первой половинѣ XVIII в., отдавая полную справедливость этому ученому и просвѣщенному архіерею и цѣня по достоинству его духовную и миссіонерскую дѣятельность въ Казанской епархіи,—мы все-таки должны сознаться, что этотъ въ высшей степени энергичный и дѣятельный человѣкъ, по духу времени, иногда доходитъ въ своихъ миссіонерскихъ

(1) Такъ писалъ Лука Императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, донося объ открытіи при семинаріи богословскаго класса. См Правосл. Соб. 1858 г., т. 3, стр. 499.

планахъ и стремленіяхъ до нѣкоторой степени религіозной нетерпимости, чему не мало также способствовала его необыкновенная впечатлительность и прямой, рѣшительный, вспыльчивый и раздражительный характеръ.

Платонъ Любарскій (1), правдивый и безпристрастный историкъ Казанской, Вятской и Астраханской іерархіи,—отдавая полную справедливость заслугамъ Луки Канашевича въ дѣлѣ просвѣщенія Казанской паствы, безпристрастно замѣчаетъ о его миссіонерскихъ распоряженіяхъ: „какъ, особливо татары, не столь преклонны къ благочестію; то онъ иногда убѣждалъ ихъ къ тому и *нѣкоторыми утѣсненіями, созидая насильно* въ срединѣ ихъ церкви и часовни, избирая *противъ воли ихъ* дѣтей въ заведенныя имъ новокрещенскія училища, учреждая мимо домовъ ихъ крестныя хожденія и другія многія причиняя имъ противности, чрезъ что *сильно ихъ огорчалъ, что они нерѣдко отъ нестерпимости едва удерживались отъ всеобщаго смятенія*“ (2). Подобную нетерпимость выказалъ Лука Канашевичъ и къ Яицкимъ раскольникамъ. Недовольство, которое обнаружили иновѣрцы, преимущественно татары, по поводу крутыхъ мѣръ архипастыря, равно какъ и недовольство Яицкаго войска, вызванное преслѣдованіемъ раскольниковъ, не могли не озабочивать правительства, тѣмъ болѣе, что въ это время въ Оренбургской губерніи среди Башкиръ вспыхнулъ сильный мятежъ противъ Русской власти, имѣвшій, по выраженію профессора Ѳирсова, „всѣ признаки борьбы за вѣру Магомета и стремившійся охватить и магометанское населеніе Приволожья“ (3). Для подавленія

---

(1) Платонъ Любарскій былъ въ 1772—78 г. ректоромъ и учителемъ богословія въ Казанской семинаріи, а потомъ архіепископомъ астраханскимъ.

(2) См. его Исторію Казанской іерархіи, ркп. въ библ. Каз. дух. академіи. Слич. Прав. Соб. за 1858 г., т. III, стр. 498.

(3) См. Инородческое населеніе прежняго Казан. царства въ новой Россіи до 1762 г. П. А. Ѳирсова. Казань 1869 г., стр. 210.

этого мятежа, извѣстнаго подъ именемъ бунта Батырши Алѣева, нужны были военныя силы и, прежде всего, силы Яицкихъ казаковъ, какъ ближайшихъ сосѣдей магометанскаго населенія Оренбургскаго края; слѣдовательно, идти противъ желанія Яицкаго войска теперь было бы неумѣстно. Вотъ почему Военная Коллегія охотно согласилась на представленіе Неплюева прекратить всякое преслѣдованіе раскольниковъ на Яикѣ и оставить казаковъ въ покоѣ. Находя неудобнымъ поддерживать духовную пропаганду въ томъ видѣ, какъ она доселѣ была ведена подъ наблюденіемъ казанскаго епископа, правительство рѣшилось пріостановить такую пропаганду, а „епископъ Лука", — какъ замѣчаетъ Любарскій, — „въ томъ же (1755) году переведенъ былъ въ Бѣлогородскую епархію, гдѣ по немногихъ годахъ скончался, — *въ предвареніе всеобщаго смятенія, а также въ прекращеніе часто случавшихся по той же причинѣ съ свѣтскими правительствами несогласій*" (1). Впрочемъ, не смотря на это, мы далеки отъ того, чтобы не признать за умнымъ и энергично-дѣятельнымъ Лукою его заслугъ на пользу Казанской епархіи: стремленіе этого пастыря къ просвѣщенію духовенства, попеченіе объ устройствѣ въ разныхъ мѣстахъ Казанской губ. и въ самой Казани новокрещенскихъ школъ и, наконецъ, пріобрѣтеніе для Церкви нѣсколькихъ десятковъ тысячъ душъ (2), обращенныхъ изъ инородцевъ въ православіе, хотя бы въ большинствѣ случаевъ наружно,—все это заставляетъ мириться насъ съ запальчивостью и религіозной нетерпимостью Луки въ его миссіонерской дѣятельности и питать къ нему должное уваженіе. Любарскій, хорошо знавшій Луку и его дѣятельность, замѣчаетъ о немъ: „Казанская епархія своимъ про-

(1) Ibid., стр. 209. Слич. Правосл. Соб. 1868 г., № 8-й, стр. 103.

(2) Въ 30-хъ годахъ XVIII ст. крещеныхъ иновѣрцевъ въ Казанской епарх. считалось 15,000 душъ, а въ 1747 г. ихъ было уже болѣе 100,100 душъ. См. Правосл. Соб. 1858 г. т. 3, стр. 477.

свѣщеніемъ, благочестіемъ и должнымъ во всемъ порядкомъ ему первому должна, такъ что сначала архіерействованія его Казанская епархія историческій хорошаго нынѣшняго состоянія періодъ начинаетъ“ (1).

Преемники Луки Канашевича по Казанской епархіи не были такъ строги въ своихъ отношеніяхъ къ Яицкому расколу, тѣмъ болѣе, что самыя событія, послѣдовавшія въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ XVIII в., требовали отъ нихъ значительной сдержанности въ церковныхъ вопросахъ. Между тѣмъ, опытный и энергичный правитель края долженъ былъ оставить свой постъ. Начавшійся лѣтомъ 1755 г. Башкирскій бунтъ, во главѣ котораго встало магометанское духовенство, засталъ Неплюева въ горячкѣ и сильномъ горѣ: незадолго предъ тѣмъ онъ лишился своего старшаго сына Адріана Ивановича, бывшаго посланникомъ въ Константинополѣ, а наканунѣ самаго бунта Башкирцевъ, другой любимый сынъ Неплюева, Николай Ивановичъ (2), жившій вмѣстѣ съ отцемъ въ Оренбургѣ, схоронилъ трехлѣтняго сына Николая и его мать, а свою жену, Татьяну Ѳедоровну (3), которой всего еще было 20 лѣтъ отъ роду. Не смотря на это, больной старецъ самъ диктовалъ эстафеты и воззванія; направлялъ военныя дѣйствія, отдавая приказанія полковымъ командирамъ, и велѣлъ публиковать манифестъ, которымъ обѣщалась полная безнаказанность всѣмъ, кто смирится къ назначенному сроку. Къ концу года все успокоилось, но здоровье Ивана Ивановича было сильно потрясено, вслѣдствіе душевныхъ волненій, неимовѣрныхъ трудовъ и чрез-

(1) Правосл. Соб. 1858 г., т. 2, стр. 564.

(2) Ник. Ивановичъ Неплюевъ, по смерти отца, былъ Оберъ-прокуроромъ Сената, а потомъ президентомъ Коммерцъ-Коллегіи и сенаторомъ, скончался въ 1790 г.

(3) Татьяна Ѳедоровна была дочь С. Петербургскаго Оберъ-коменданта, князя Ѳедора Васильевича Мещерскаго отъ брака его съ княжною Еленой Юрьевной Трубецкой.

вычайнаго напряженія физическихъ и умственныхъ силъ. Болѣзнь Неплюева, возобновляясь время отъ времени съ новою силою, до того, наконецъ, истощила трудолюбиваго старца, что онъ не могъ болѣе оставаться на этомъ мѣстѣ, почему въ 1757 г. рѣшился отправить въ С.-Петербургъ своего сына съ просьбой о своемъ увольненіи отъ должности оренбургскаго губернатора. Въ слѣдующемъ году онъ получилъ желаемую отставку и позволеніе явиться въ столицу, а на его мѣсто былъ назначенъ тайный совѣтникъ Давидовъ, человѣкъ крутаго характера и далеко уступавшій своему предшественнику въ энергіи, способностяхъ и опытности.

Съ отъѣздомъ Неплюева въ Петербургъ, въ Оренбургскомъ краѣ начинаются волненія фабричныхъ и горнозаводскихъ крестьянъ, которыя находятъ откликъ въ помѣщичьихъ и государственныхъ крестьянахъ Казанской, Симбирской, Пензенской и другихъ губерній, а на берегахъ нижняго Урала, въ Яицкомъ городкѣ, возникаютъ междоусобія, которыя, усиливаясь все болѣе и болѣе, доводятъ казаковъ до отчаянія и разрѣшаются въ Пугачевщинѣ. Понятно, что, при такомъ положеніи дѣлъ, было уже не до однихъ раскольниковъ,—требовались общія и болѣе широкія мѣры. Безчеловѣчное обращеніе помѣщиковъ съ своими дворовыми и крестьянами нерѣдко доводило послѣднихъ до самоубійства; энергичные же и смѣлые до отчаянія, желая отомстить своимъ тиранамъ, поджигали ихъ дома, грабили и убивали своихъ помѣщиковъ, спасаясь бѣгствомъ въ русскія украйны. Случалось, что въ убійствѣ своихъ господъ принимали участіе малолѣтніе крестьянскіе мальчики и дѣвочки, какъ это, напримѣръ, было въ Казанской губерніи ([1]); особенно было много убито помѣщиковъ въ 1767 г. ([2]). Не лучше было положеніе фабричныхъ и заводскихъ

([1]) Русская Старина 1877 г., № 2, стр. 201.

([2]) Тамъ же стр. 198.

крестьянъ. Угнетаемые работами и обижаемые заводовладѣльцами, они рѣшились на открытый протестъ: „*до того дойдемъ*, — говорили они, — *что сами себя трет̀ъ перетъжемъ или сгоримъ, какъ раскольники Исетскаго дистрикта*“ (1). Въ 1760 — 1764 годахъ, недовольство и мятежъ заводскихъ крестьянъ въ восточной полосѣ Россіи достигли такихъ опасныхъ размѣровъ, что правительство вынуждено было усмирять ихъ вооруженною силою, подъ наблюденіемъ и руководствомъ князя Вяземскаго и А. И. Бибикова.

Бунтовщики хотя и были усмирены; но покорность ихъ была вынужденная, основанная на пуляхъ и пикахъ Донскихъ казаковъ да на солдатскомъ штыкѣ. При малѣйшемъ поводѣ, крестьяне снова приходили въ волненіе; снова возникалъ мятежъ. Эти внутреннія волненія, среди крѣпостныхъ и заводскихъ крестьянъ, наполняютъ собою все десятилѣтіе, предшествовавшее Пугачевщинѣ, и косвенно усиливаютъ давнишнее недовольство Яицкаго войска Москвою, которая особенно сдѣлалась ненавистной казакамъ въ это время. Неплюевъ, благодаря своему необыкновенному уму и многолѣтней опытности, умѣлъ примирять казачьи интересы съ видами правительства; но его ближайшіе преемники, къ сожалѣнію, не обладали этимъ искусствомъ.

Между тѣмъ, правительство, вмѣсто существовавшей въ войскѣ „наемки“ (2), вводитъ очередную службу; въ Москвѣ, по иниціативѣ князя Потемкина, формируется особый легіонъ, въ который отъ Яицкаго вайска требуютъ 334 чел.; легіонеры должны были брить бороды, носить особую форму и имѣть регулярный строй (3). Казаки, считая брить̀ъ бороды за вели-

(1) Вѣстн. Европы 1877, № 1.

(2) О «наемкѣ» Уральскаго войска см. въ Военномъ Сборникѣ за 1865 г., № 2, и 1873 г., № 3; здѣсь помѣщены обстоятельныя объ этомъ свѣдѣнія.

(3) Указъ 28 декабря 1769 г. Полученъ на Яикѣ 26 апрѣля 1770 г.

чайшее нечестіе, а регулярный строй—нарушеніемъ казачьихъ привиллегій, рѣшились протестовать. Въ Петербургъ отправляется депутація, но депутатамъ обрили бороды и записали въ солдаты. Далѣе слѣдуетъ цѣлый рядъ депутацій отъ Яицкаго войска, которое, наконецъ, добивается своего: правительство уволило его отъ легіонной службы (1). Между старшинской и народной партіей борьба усиливается; атаманъ и старшины безъ пощады и явно обираютъ казаковъ, не давая имъ отчета въ войсковыхъ доходахъ и удерживая жалованье у протестующихъ. Въ Яицкомъ городкѣ составляется слѣдственная коммиссія, которая, дѣйствуя за одно съ старшинской партіей, еще болѣе осложняетъ дѣло. Казаки рѣшаются дѣйствовать силою оружія. Въ январѣ 1772 года 3000 казаковъ, подъ сѣнію церковныхъ хоругвей и образовъ, въ сопровожденіи облаченнаго въ ризы духовенства, при звонѣ церковныхъ колоколовъ, двинулись къ Войсковой Канцеляріи, чтобы склонить слѣдователей къ осуществленію своихъ желаній. Но лишь только казаки стали приближаться къ Канцеляріи, какъ по нимъ грянули изъ пушекъ. Испуганные такой неожиданностію, казаки разсѣялись, но, увидѣвъ убитыми своихъ братьевъ и обрызганные ихъ кровію, они воодушевились и съ отчаяннымъ мужествомъ бросились на противниковъ: канониры убиты, пушки были отняты; завязался кровавый бой, кончившійся только къ вечеру. Озлобленные казаки, опьяненные жаждою мести, схватили своего атамана Петра Тамбовцева и за волосы вытащили на дворъ, гдѣ у живаго разрѣзали грудь и вырвали сердце; старшій войсковой писарь Суетинъ былъ также убитъ и брошенъ на улицѣ, а на другой день былъ спущенъ въ р. Чаганъ. Кромѣ атамана Тамбовцева и писаря Суетина, убито до 60 человѣкъ старшинъ, солдатъ и чиновъ регулярной команды; не скрылись отъ мести казаковъ и слѣдователи: генералъ

(1) Указъ 7 дек. 1770 г. П. С. З., № 13,538.